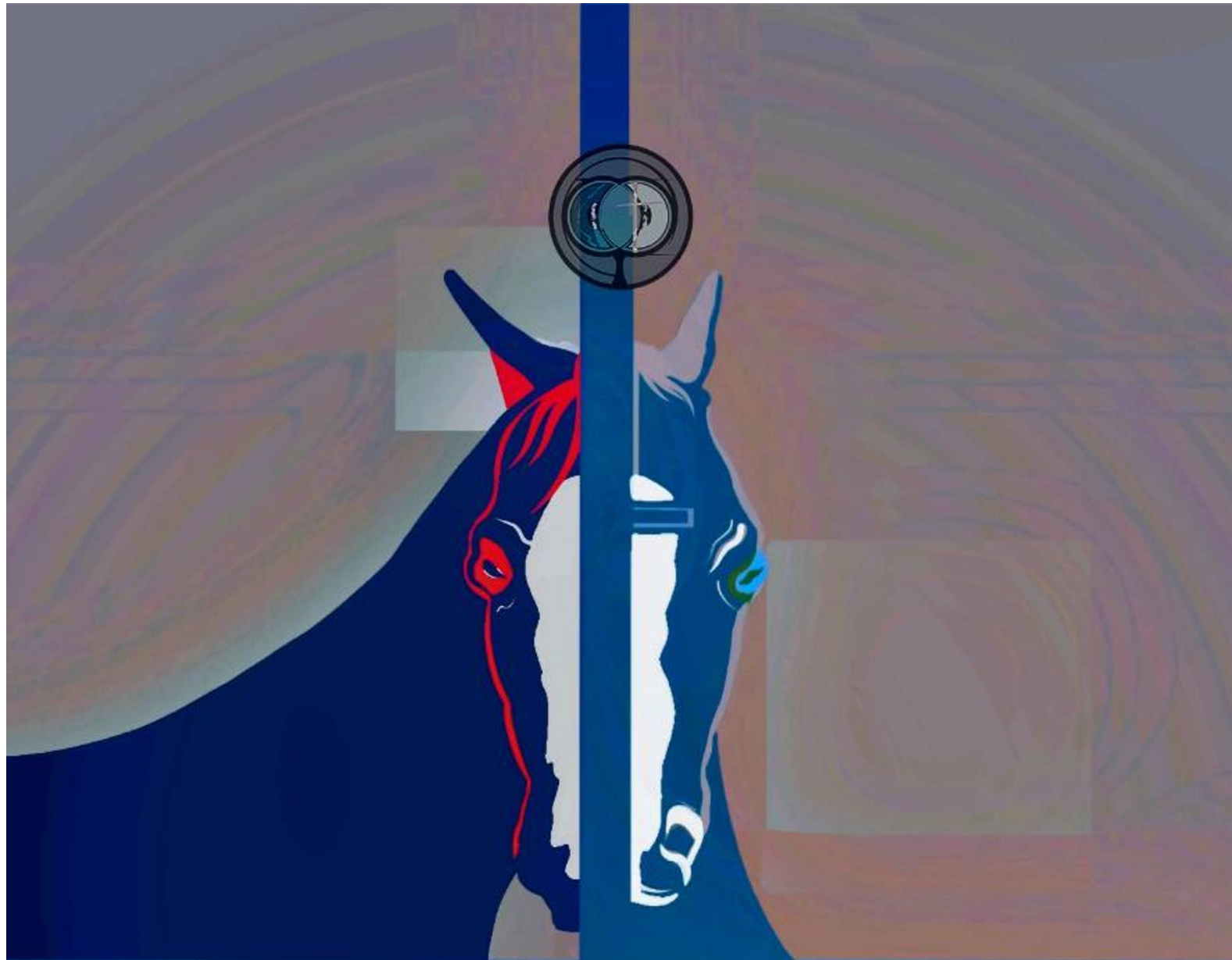

Философема

Книга Ламингтон
Потухший вулкан Твид

Воронова Анжелика
Сергеевна

18+

Анжелика Воронова

**Философема. Книга Ламингтон
Потухший вулкан Твид**

«Автор»

2026

Воронова А. С.

Философема. Книга Ламингтон Потухший вулкан Твид /
А. С. Воронова — «Автор», 2026

Это не исторический роман о лошадях XVI века. Это не притча о добре и зле. Это не «книга о животных». Это онтологическая драма, в которой лошади - не метафора. Они - иная грань бытия, у которой есть голос. И этот голос звучит так, будто говорит сама суть: архаично, библейски, яростно и нежно. Два брата: один вожак, строящий табун, чтобы доказать отцу, что он чего-то стоит; другой - изгой, уходящий всю жизнь от ответственности, но именно ему предстоит провести выживших через огонь, пустыню и голод к океану. Их путь - это тысячи километров по выжженной Австралии. Это войны, предательства, смерти, голод, одиночество и моменты такой пронзительной нежности, что читатель забывает, что перед ним лошади. Но главное - не путь, а то, что они находят в конце: океан - не рай, берег - не спасение, а брат - единственный, кто остался. Эта книга о том, как принять, что любая абсолютизированная цель оборачивается пустотой, если ты не готов принять простоту бытия и о вечной неповторимости ежедневности.

© Воронова А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Вступление	6
Глава 1	13
Глава 2	23
Глава 3	28
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Философема. Книга Ламингтон Потухший вулкан Твид

Предисловие

Гладкий текст — это ложь, ведь жизнь не гладкая, мысль не гладкая.

Философема - это жанр, который ломает привычные рамки. Здесь нет готовых ответов. Есть вопросы, которые остаются с тобой после последней страницы. Это алмаз, состоящий из множества граней. Каждая грань - носитель философии. Здесь начинается зарождение философемы.

Философема не пытается быть удобной. Она пытается быть истинной. И истина часто звучит странно. Она спотыкается, задыхается, использует слова, которые вышли из употребления, потому что только они могут передать то, что современный язык разучился называть.

Это не ошибка. Это акт сопротивления. Сопротивление миру, который считает тебя функцией. Сопротивление языку, который разучился говорить о душе. Сопротивление тишине, которая хочет быть услышанной.

Сложные словосочетания и метафоры позволяют очистить текст от времени, история становится вне времени, она становится дидактическим философским прологом — это не просто наблюдение, это точная диагностика того, как устроен язык книги. Автор создаёт архетипическую драму, где каждая сцена — это моральный выбор, а каждый персонаж — носитель вечного вопроса. И главный инструмент этого превращения — не сюжет, а язык, который он сознательно нагружает архаизмами, канцеляризмами, библейскими оборотами и сложными метафорами. Это и есть суть.

Вступление

В кое-то веке Австралия переживает самый обильный климатический подарок: сезон дождей. В северной части континента сезон дождей длится с декабря по март. В южной части, где зима приходится на июнь-август, осадки выпадают в этот период. За этот период Австралия наполняется прекрасным пьяным лазоревым миром воды, которая заселяется в небольших земляных просветах, а затем оснащает эти места. Вода кормит флору всеми возможными питательными веществами. Природа как будто переживает самый прекрасный и полезный период за сезон, пробуждается и взывает душой. Большая часть территории Южной Австралии практически не заселена. На береговой линии большого Австралийского залива находятся протяжённые утесы Банда. К северу от залива лежит равнина Налларбор и пустыня Симпсон. Очень часто на этой равнине местные люди предпочитают пасти свои стада крупного рогатого скота, чтобы потом экспортировать их за рубеж. Здесь самая дикая незаселённая местность и потому в Австралии достаточно мало распространено оборудование, с помощью которого можно было бы, как в случае с фермерскими установками разводить скот, всё происходит в естественной среде. Около 3% всей страны постоянно работает на производстве или в сельском хозяйстве.

Аделаиду, столицу штата и центр его культурной жизни, называют городом церквей. В пустыню Симпсон частенько забегают дикие лошади, лошади, которые предпочли сбежать от человека, там они дичают, размножаются, а после возвращаются обратно к своим пастухам уже с более улучшенными и редкими кровями. Между этой пустыней и равниной располагался небольшой сельский хутор, человек 20 на многие сотни километров жили здесь и в собственное хозяйство периодически отправляли своих работников, чтобы те отвозили породистых лошадей на продажу за границу. Сами люди очень трепетно относились к каждому цветку, выращенному в их саде. Ведь любая мелочь, которая здесь происходила, и любая лишняя жизнь не была лишней: всё бесценно, ведь в условиях, где жизнь может оборваться по любому поводу, всегда ценно любое должное рождение.

Табун лошадей "Майкал" люди не любили и предпочитали прогонять со своих пастбищ, где у них паслись их домашние лошади. Ведь всё дело было в том, что каждая лошадь в этом табуне имела разнообразные и неизвестные никому гены. Обычно, если предполагается табунная свора, то в ней, зачастую, лошади одной и той же породы или они схожи по своим стандартным признакам, однако, в этом табуне каждая лошадь имела свою породу и, зачастую, даже туда входили те лошади, которые по природе своей не являлись дикими, но стали таковыми из-за одичалости. Арабская чистокровная лошадь с белой прорезью на морде, криво уложенной на правую ноздрю, была слегка перекормлена своим хозяином, как думали многие долго, как оказалось из-за своей одичалости у лошади нарушился метаболизм для её организма и потому, она стала употреблять больше калорийной пищи, но лошадь так же регулярно сжигала лишние калории. Она была морковно-бурого цвета с маленькими, но умными глазами, короткими коренастыми ногами, средней длины шеи и неприметными гривой и хвостом. Эта кобылка была в том табуне уже несколько месяцев, её нашли местные табунщики и решили, что такую лошадь можно будет продать подороже. Однако, кобыла заставила ожидания разочароваться в себе, ведь обманув их, отказалась совершенно выполнять любые упражнения, притворяясь, будто ей тяжело. Эти олухи поверили, потому решили, коль уж они поймали лошадь – значит можно отправить на мясо. Кобыла сбежала, открыв дверцу своим языком в 6 утра из железного денника. Она нашла выход из конюшни при помощи обоняния, а точнее места, где была самая слабая тонкая стенка. Своими подкованными копытами лошадь раздробила её и, выскочив на волю, помчалась по ветру вдаль. Люди, конечно, были ошарашены столь хитроумной выходкой, но ничего уже не могли поделать.

Табун состоял из пяти лошадей. Табуном такое количество животных сложно назвать, но этих варваров, как их называли в собственной деревушке на хуторе было достаточно, чтобы заставлять кровь стынуть в жилах всех поселенцев округи. Основной такой причиной была необычайная сила этого табуна. Табун всегда был тихим сапом, однако на лугах, где предпочитали пастись крупные стада, никогда не хватало сочной травы. Для большого стада было бы странным горевать по нехватке еды там, где могли оказаться пять лошадей, однако, эти лошади перемещались как-то очень быстро, всегда оставались скрытными, и все самые лучшие участки предпочитали брать на себя. Боролись с ними, не боролись, люди не поймали лошадей, невозможно было подстрелить, хоть и пробовали. А потом люди разгадали их силу, как оказалось, табун предпочитал пастись в основном ночью, в то время, когда все остальные лошади делали это днём. За сутки обычные рыжаки предпочитают дремать по 4-6 часов. Половину от этого диапазона лошади лежат, а половину променивают переносить на ногах. Но они не спали в какое-то определённое время. Они рассыпали эти 6 часов и на протяжении самого активного и бурного дневного отрывка времени лошади не высывались. Другие табуны не были против их присутствия, однако, как только они распознали, что в Майкале было аж 3 жеребца, то однозначно начали войну с этой сворой. Удивительно, как в табуне могли водиться сразу несколько жеребцов. По природе своей эти животные стадные, но на всё стадо приходится лишь 1 вожак.

Второй лошастью в этом в табуне был непримечательный Джерард, ни хороший, ни плохой, не слишком малый, но не старик. Имел он самое низшее звено в группе и в природе своей являлся настоящим диким классическим мустангом. Его с самого начала ничего не связывало с людьми. Конь жил раньше в Южной Америке, но несколько учёных-натуралистов решили в своём заповеднике приобрести достаточно экзотическую лошадь, поэтому отловили его и повезли за несколько тысяч километров в Тасманию. По дороге, грузовик терпел крушение и лошадь быстро освободилась. Мустанг исследовал дикие места и мигрировал уже в южные австралийские степи по воде к берегам австралийского заповедника. По дороге лошадь подхватили несколько моряков, которые захотели отправиться с конём в путешествие, однако, большую часть пути проделали вместе с лошастью и когда стали пришвартовывать корабль, чтобы передохнуть, конь отчалил, вырвался из железных оков и бросился в воду. Люди не стали рисковать и вытаскивать его, ведь вдоль австралийского побережья активно плавали хищные огромные рыбы, поэтому люди решили оставить лошадь в покое.

По этой причине конь оказался посреди настоящего природного изобилия. В округе был тропический, с сухим и влажным воздухом лес. Лошадь преодолела большое расстояние, чтобы выйти наконец на те земли, где было пригодно пастись. Джерард нашёл уже в этом заповеднике людей, которым удалось его обучить работать под седлом, и они желали кастрации лошади. Коню повезло, ночью денник был приоткрыт, и он выскочил на зов кобыл.

Жеребец не был в состоянии отвоевать табун из-за превосходящей силы вожака и убежал кочевать в лес. Там он встретил группу молодых животных, которые паслись отдельно от взрослых своим табунчиком. Джерард начал активно работать с ними и командовать. Они не особо его слушались, однако видели в нем более доминирующую особь, потому не трогали коня. Молодёжь разозлилась на новичка, ведь он перегнал их на очень большую сумму энергии. Игривые его чуть не сожрали. На шум прибежал приятель вожака и угнал стадо обратно. Джерарда вызвали на поединок. Не очень подготовленный жеребец вообще собирался отказать, но понял, что для его чести будет лучше принять вызов, ведь всё равно умрёт. Но конь действительно просадил, и тогда он признался тем, что не мог иначе поступить, ему в одиночку не выжить. Вожак смягчился, но поставил коня на испытательные сроки. Джерард прошёл испытание и проявившие к нему милостынь лошади в табуне предпочли выбрать Джерарда в ипостаси вожака. Их вожак огорчён бранью товарищей, и, больше не желая ни минуты видеть вызвавшего влечение, изгнал коня, но через несколько лет Джерард, который был лошастью одиночкой, решил поставить точку в отношениях с собратьями. За время, пока он был один -

прокачался и набрался нужных навыков, потому пришёл полностью уверенный в своих силах и сам вызвал уже дряблого жожака на дуэль. После естественной натуры победила природная сила.

Он начал своё правление и, скрестившись с горбоносой голубой кобылой, имеющей розоватый нос, тёмные глаза и тонкие на фоне всего остального тела ноги, которые выглядели как подножки табуретки, завёл с ней отношения и вскоре после чего появились на свет трое чудесных жеребят. Её блеклая синева на серой шерсти всегда просвечивала, когда слегка бодрящий ветер приносил из-под туч солнечные лучи. Кобыла была не то тяжеловоза, не то грациозной красавицей, смотря с какой стороны посмотреть на эту удивительную лошадь. Двойню она родила сразу же, а третий появился через три месяца после рождения остальных. На свет появились прекрасные две девочки, пёстренькие такие, дымчатые: непонятно какой масти. Их шерстка была похожа больше на кашемир с игривыми волосками, такими густо расположенными между собой. Эти две девочки имели чёрные как бусины глаза из нефрита. По краям век располагались длинные две явно выраженные ресницы. Они украшали глазки девочек и делали этих жеребят неотличимыми от своих братьев противоположного пола. Две красотки уже через три часа после своего рождения смело стояли на ногах и бодро пили молочко своей матери. Такие здоровые и активные, что их можно было принять за жеребчиков. С этими двумя отпрысками было всё иначе, и они являлись тем лишь примером самого здорового и идеального рождённого малыша, которого можно было прорекламировать. Это чудесное пополнение заставило табун плясать от гордости и совершенно с новой силой любить эту землю.

Через месяц случится несчастье. Родится слабенькое ничтожное существо, которое было втрое меньше двух красотонок и своим больным состоянием заразит здоровое потомство. Горбоноса мать, чьё имя было Орсунах являлась не обрадовавшейся кобылкой таким выкидышем. Он родился почти мёртвым, но что-то в его импульсе заставило тело с органами работать для жизненной обеспеченности и привело лишь к тому, что жеребёнок задышал.

— Мальчик-мальчик! - вскрикнул отец, поражаясь ему и немного стесняясь.

— Это невозможно. Милый мой, мой ребёночек и всё это моё! И ножки, и копытца, и его славное личико, ну точно принц родился! - ответила взволнованная мать. Младенец был очевидно больным, слишком не по норме худощав и бледен, как не должен быть.

— Ты хочешь, чтобы этот младенец жил! - с досадой в голосе и огорчением вдруг произнёс Джерард.

Удивлённая и напуганная этим вопросом Орсунах была не в состоянии ответить на вопрос сразу. Джерард весь вечер был хмурым и подавленным, когда только ребёнок родился, он с надеждой и пониманием за ним наблюдал, но позже, чем больше отец видит своего сына, тем меньше в своей голове он понимал, почему именно он стал таким несчастным и неудачливым конём. И нет, дело не в слабеньком тельце сына, дело в его безжизненно-глупом выражении лица. Это лицо было не по-детски глупое, и портативно настаивало на своей красоте.

Самое худшее случилось через уже три дня после родов. Малыш из-за своей несамостоятельности редко следовал за мамой и предпочитал в одиночку коротать всё то время, в которое не доводилось есть, потому нашёл в земле мертвечину птичью и принял её за сородича, дабы даже он и не знал, как пахнут ближние. Всё. Через 2 часа уже были заражены смертельным гистоплазмозом. Все члены семьи пострадали, но сумели с помощью иммунной системы перебороть болезнь, а вот две малые первенцы моментально отчуждённо заболели. Их иммунитет был очень слабеньким, младенцы покинули землю уже через сутки после заражения. Джерард был не то в ярости, не то в печали. Его горести не было предела, жена его была на волоске от того, чтобы родить буквально самых крепких и качественных жеребят, которые смогли бы принести большую пользу в табунную жизнь. Родившийся маленький жеребёнок не был виноват в том, что с ним произошло, однако он стал косвенной причиной произошедшего.

— Госпожа! У нас есть плохие новости. Надвигается в восточном направлении буря, которая впоследствии вызовет страшнейшее цунами и землетрясение.

— Что же делать, нужно срочно спасти табун? — да вот только табун уж не так просто спасти, ведь нужно придумать место, где будет действительно безопасно и есть возможность переждать это беснование природы.

Никто в табуне, кроме Джерарда, не знал, как переправить жеребят остальных так, чтобы никто не пострадал, ведь дорога предстояла долгая. Лошади неприхотливые животные. Кочуют и круглые сутки находятся под открытым небом, переносят на своей шкуре всё: мёрзлый и безжалостный дождь, затиравшихся своим телом под лосину слепней, невыносимо-амбициозный комариный рой. У лошадей уже в таких условиях отросла жёсткая щетина. Делать было нечего, похоронили они своих сладеньких и за упокой их поминали. А радости никакой больше об этом событии не было и те приятные воспоминания в те дни, когда ещё родились эти две прекрасные девочки стали настоящей мукой, которые как бы подчёркивали сегодняшнее отсутствие этих малышей. Кобыла огорчена была инцидентом. Прошло полгода и лошади поотвыкли от столь позарез недюжинной плате. Вместо того, чтобы продолжать лить соль из глаз, лошади предпочли зачать новых потомков. У кобылы были ограниченные ресурсы.

Аутоиммунные антитела начинают активно вырабатываться и размножаться, выступая против нормальных тканей, что приводит к серьёзному повреждению последних. Так развивается аутоиммунное воспаление: системная красная волчанка, цирроз печени, склеродерма. В случае развития у особей женского пола аутоиммунного заболевания в 50% возможен выкидыш, а если этого не произойдет, то ребёнок может родиться с такими нарушениями, что будет велик риск его смерти. Потому каждое последующее потомство могло быть хуже предыдущего и с этой проблемой кобыла столкнулась сразу после того, как умерли её дети. Нарушение иммунной системы в природе встречаются достаточно на обыденном уровне, ведь в последнее время глобальное потепление и разные климатические изменения сильно влияют на организм животных. Кому-то удаётся с лёгкостью приспособиться и даже прокачаться, а кто-то погибает, так и не успев оставить своё потомство.

Орсунах не собиралась сдаваться и надеялась, что следующие жеребята всё ещё будут хорошими, чтобы можно было ими гордиться. У неё очень мало попыток должно быть. Джерард понимал насколько велик риск того, что его лучшие гены нигде не пригодятся и он уже настроился начать поиски другой тёлки, но всё-таки свою женщину он любил и становилось ему трудно представлять свою дальнейшую жизнь с другой кобылой. После успешной миграции лошади повторили своё занятие, и кобыла забеременела одним ребёнком. Прошло 2 месяца, как на свет появился чудной малыш, но он с точностью и наоборот выглядел, как его мать. Некоторую горбоносость и свежесть лица он отобрал от своей матери, а вот его тип телосложения близко был к отцу. Грива жеребёнка была точно сделана из нейлона, жёсткая, и волоски были как из измельчённого тончайшего пластика. Такой грубой щетины не было даже у седых закоренелых лошадей. Морда была умеренной в ширине, с лёгкой горбинкой, а по бокам располагались два коричневых выразительных больших глаза с заметной выпуклостью. Шея коня была тугая, широкая, с едва заметными мышцами и складками. Он был чисто чёрного угольного цвета с пепельными серовато-тёмными носками на передней правой и задней правой ноге. Копыта одинаково одноцветные, почти неживого цвета со слегка грязноватым металлом, до грязи идеально вылизанного. Между копытами и носками было расстояние, размером с кулак чёрного цвета и служил переходом от копыта к носку. Выразительные огромные глаза уже были готовы разглядывать, торопясь весь окружающий мир и, будто срываться с места перее, чем это делал конь на своих четырёх ногах. Была у него на лбу одна маленькая беленькая ниточка, практически прозрачная на фоне лба. Жеребёнок был невероятно любознательным и не выглядел больным. Джерард заскорузло начал ворчать, что теперь этот отпрыск явно станет позорным пятном в их семье, ведь было ясно видно, что его генети-

ческая экспертиза находится в проигрыше на фоне даже этих двух прекрасных девочек. Многий отец предпочтёт сына за двух дочерей, но по началу ребёнок выглядел не столько большим, сколько нестандартным. У него были чрезмерно длинные ноги, такой же длины, как у жеребёнка годовалого. Так же он имел достаточно непропорционального склада тельце, его шея была толстой и широкой, а голова в соотношении с телом слишком небольшой, а глаза наоборот слишком выпученными. Они были неглубоко посажены, раскосые по бокам. Морда была чуть плоской с боков из-за чего расстояние между глазами было небольшим. Ноздри совсем маленькие, губы аккуратные и мягкие.

Чад было худым, как метиз. Отец снова недовольно вздыхал, но Орсунах, покорно обращаясь к господу, благодарила его за то, что позволил ей иметь ещё одного более-менее выношенного жеребёнка. Она так же злилась на своего мужа за его упёртый и злостный характер. Своих-то он любит и наяву добрый справедливый конь, но часто в такие моменты слишком преуменьшает ценность того, что имеет. Он пытается выискивать заранее несуществующие проблемы и недостатки, чтобы потом тщательно их критиковать. И нет, коню не доставляло удовольствие проделывать это, но он предпочитал относиться по-честному к тому, что видит перед собой и полным идеалом Джерард всегда считал только свою честь, отрочество, службу своему народу и смиренность в трудные времена. Однако, сам он не оправдывал того, что считал идеалом. Понаблюдав за собственным сынулей, конь вскоре смягчился.

Проходили недели, а жеребёнок становился только крепче и удивлял всех своей смыслённостью. Ни одна парочка в табуне не могла загордиться столь очаровательным и сентиментальным ребёнком, который мог плакать и смеяться от одного и того же, если только поменяется интонация или освещение. Он был игривым, строптивым и любознательным. Вскоре, он стал более хитрым и применял ту самую хитрость во благо себе, обходя все указания и поручения взрослых ему. Конь не хотел учиться ничему, был сам себе предоставлен и любил смотреть на вечерний закат. Пока всё жеребята пили молоко матерей, игрались между собой и резвились в траве, этот малыш всегда традиционно выходил по густому лугу на самый живописный край, и с содроганием сердца, слегка в полуприсядочной посадке, запрокинув голову вверх, и опрокинув уши вниз, вдыхал этот чудесный вечерний тёплый воздух, а взглядом пронизывал точно для него нарисованный художником закат.

Родители называли малыша чудным, иногда стыдились своего сына, а посторонние и вовсе не хотели давать другим жеребяткам с ним общаться. Считали, что этот жеребёнок, который сам себе на уме и ничему никогда не учился, научит других плохим манерам. Вскоре, ребёнок понял, что его мало, кто любит, кроме своих родственников и начал частенько вредность свою проявлять. То если видит, как жеребёнка к соскам не подпускают, а все активно пьют - говорит ему по началу, что сейчас разберётся и даст ему возможность, наконец, попить молока, пока сам всех заманивает к другой кобыле, обманом заставляя ностальгически оставить молоко в то время, как сам отталкивает и прогоняет несчастного, чтобы в одиночное наслаждение напиться досыта. А вот иногда бывает находит и начинает он лупасить всех подряд слабеньких в табуне, да так лупасит, что потом они не могут днями в нормальное состояние прийти, слишком уж сильно им досталось. Иногда этот черныш пробирался сквозь взрослую толпу и всегда с помощью своего хитроумного характера умудрялся больше всего напиваться молока и у водопоя стоял всегда первым. Пытались жеребята с ним бороться и в кучу на него нападали, так результата - никакого. Когда нужно настолько сильно разжалобить взрослых своим скромным нежным плачем, что те бесспорно прибегают к нему на помощь и отгонят толпу от его ног. В общем, доставалось всем из-за него, и родители видели, как он чем старше становился, тем больше, ему сходило с рук.

Уже через месяц после рождения отец не особо заморачивался по поводу имени малыша, не хотел его всё давать ему какое-нибудь имя по типу Цербер, Графтион, Генкант, Раффундор, дабы для такого, как выражался Джерард "щупленького черныша" не подошло бы и имя даже

лошади хобби класса. Мать уже всё время ругалась с ним из-за этого и постоянно заступалась за своего сына. Она его безумно любила, как и любая мать, и потому со всей серьёзностью отнеслась к подборке имени. Тем не менее, когда она попросила совета у мужа, тот бросил на отвяжись имя Неведомост. Она так разозлилась на Джерарда за его слова, приняв имя за оскорбление сына. Орсунах видела в нём тот потенциал, который он выражал своим игривым нравом и хотела назвать сына Сулечкой, Вадимкой, Ландышем. Джерард фыркал и незаинтересованно, равнодушно кивал. И остановилась кобыла на имени Суля. Но как скажет Джерард, имя это вылетевшее, так и проклятьем разошлет его на сплетни по табуну. А дети такие мстители: стали хоть обзывать черныша этим именем. И так часто они за ним гонялись с прозвищем, что приелось имя больше родного. И мать злилась, но даже Джерард стал по случайности звать так сына, вместо имени, которое дала ему мать. И степенно поняли все в округе, что никакой он не Суля, а настоящий Неведомост.

Другой жеребец, имеющий неизвестное происхождение, жил себе неподалёку от этого маленького табунчика и в начале принадлежал к табуну Макрониуса. Когда старик умер, то всех его лошадей, оставшихся в деревне без хозяина себе на попечение, разобрали местные жители, и кто куда дел, какую лошадь. Этого жеребца собирались отправить на работу под сельскохозяйственные труды, но конь ленился и отказывался взаимодействовать с людьми. Он был в стадии бесполезного и для людей негоден. В стаде этот конь был один из задир и провокаторов, которого никто не любил. Он всегда черпал выгоду от слабости других лошадей и чётко всё продумывал, рассчитывал и сканировал каждую особь, выискивая недостатки, а затем оборачивал всё в свою пользу. Конь никого не жалел и, благодаря этому, смог даже подняться в ранге. Лошади его не любили и через время такого контакта вскоре он был изгнан. Дикий, но не свернувшийся жеребец начал искать себе новый табун, в котором непременно он собирался быть вожаком, ему удалось найти такой табун и даже свергнуть одного вожака. Но этот чисто вороной угольный жеребец, с белой грубой и толстой проточиной от лба до носа, с 2 белыми носками на правой задней и правой передней ноге, и с сединой, на хвосте и гриве, не смог продержаться в статусе лидера даже 2 недели, но для него это было и не нужно, ведь тогда приходится на себя принимать слишком большую ответственность и взамен, ты получаешь не так много действительных благ от этого.

Глава 1

История Джерарда была интересной. По крайней мере, этого коня считали многие знатоки и люди, изучавшие его биографию лошади честных правил, с великим сердцем и душой, притупившейся под натиском современных упрощённых понятий и компактных общественных принципов. Те, кто его видел, говорили о величайшем глубокомыслии и уме этого коня. Он мог рассуждать как философ, однако предпочитал носить вечный образ обыкновенного тихого коня, не только чтобы упростить себе жизнь, но и упростить жизнь тем несчастным и глупым собеседникам, которые будут непонимающе хлопать глазами и ещё долго потом называть его за спиной дураком за его ум, который не суждено осознать некоторым. Он может быть строг к своей жене и обидчив на судьбу, но в душе очень уязвим и понятлив. Такое впечатление, что он боится больше получить непонимание от своей супруги убрав их любовную перчинку, которую из раза в раз своим несогласием с мнением жены он добавляет в их отношения, и благодаря которой, казалось, и существовали их отношения. Он знал, что собственная жена не блистала тем самым глубокомыслием и пониманием бытия, она могла просто, не поняв его, принять жеребца за совершенно что-то отчуждённое, инородное и не своё. Это бы повлекло за собой никому не нужные дополнительные подозрения и вскоре могло бы стать главным концом их взаимоотношений. Да, могла бы эта кобылка и вовсе наплюнуть на истинное величие жеребца, но в таком случае им обоим наскучила бы эта бесконечная игра.

Любимое увлечение Джерарда было в день, когда табун могли заменить опытные кобылки и дать ему возможность отдохнуть, отправиться в северную долину, а там по этим песчаным бескрайним пустыням идти некоторые часы, чтобы вскоре оказаться в чудесном горном крае и здесь уже, забравшись чуть выше, нарвать такое количество трав, чтобы самый тонкий изрядный оценщик смог ощутить нотки божественной насыщенной палитры, идеально сочетающихся между собой вкусовых ощущений так чудесно переливающихся между собой в этом бесконечном вкусовом потоке. Этот высокого уровня чай Джерард любил выпивать в одиночку и изредка приносил немного травы, замачивал их тёплой, почти горячей водой которую он специально настаивал в узкой ёмкости под палящим солнцем из стекла, чтобы скорее угостить свою жену.

Майкал - табун, где Джерард прибывал какое-то время, пока находился вне ведомства о своём дальнейшем. А для него не было целью стать главным, чтобы иметь самую сочную траву, праздность и всегда эту безнаказанность. Главной целью коня была цель, заключающаяся в возможности, чтобы наконец, каждый из его сородичей смог понять простую и узаконенную схему добра, понимания и личного достоинства, чего конь не нашёл ни в одном табуне, куда прибывал. Лишь это подвигло коня на то, чтобы он воссоздал свой собственный табун и в этом табуне лошади ценились не по силе и характеру, а в первую очередь по их внутреннему миру и взгляду на жизнь. Джерард бежал от всей этой эгоистичной культуры и менталитета лошадей и хотел быть особенным конём. Из-за его иного взгляда, конь не занимался развитием своей физической силы, он не пытался казаться другим и тратить на это время, но все остальные живут по другим законам. По этой причине Джерард поменял множество табунов, но не смог стать главным ни в одном из них. Его изгоняли, но в Майкале он чувствовал себя более уверенно. Ещё двое совершенно одинаковые в сравнении друг с другом лошади были в этом табуне соловые, со свойственными белыми гривами и довольно таки яркие на внешность. Конь долгое время пребывал в одиночестве, пока не решился заняться своим внутренним энергетическим здоровьем и прокачивался, медитируя и сражаясь с соперниками, которые его больше и сильнее. Он влезал в чужие табуны и вызывал на дуэли самых разных вожаков, почти всегда проигрывая, конь заживлял раны, после чего снова и снова повторял свои попытки. Так он победил

почти всех лошадей из разных табунов, однако бросил их всех без жоака, так как соби́рался всё равно основать и дать образование своему табуну, но для этого нужна была определённая сила. А потом конь, создав свой собственный табун, скоренившись с Орсунах, имел несколько других молодых кобыл, с которыми заводил любовные отношения, но в расположении была у него всегда на первом месте одна жена. В табуне не принято быть моногамным и потому ему всё равно необходимо было так же продлевать род более активно. В этой лошадиной братве скорее Джерард убедился, что сам создал табун своей мечты, а потом взял понемногу лошадей с каждого табуна, который он побросал и стал воспитывать этих лошадей, но они были бес-толковыми и, потому чтобы не добавлять лишних лошадей в свой табун таких и не допускать лишнего их выходок, он не стал соединять табуны. Так они и кочевали бедные, без жоаков.

Орсунах благотворно влияла на своего мужа, заставляла его подумать о семье и каких-то бытовых мелочах, но это было всё далеко и так мелко, и просто на фоне того, что испытывал Джерард в своих одиночных размышлениях. Его не удовлетворяли никакие другие кобылы, с которыми он сводился. Почти все они были пустыми дамами, чьи интересы были только про-длить род и не на шаг больше не интересовались землёй, на которой они каждый день прово-дят дни и ночи, даже не попытавшись разглядеть её, как дано человеку, а постарались сделать всё, как сделали бы любые другие лошади. Не то, чтобы очень светлым умом они обладали, но были хорошими хозяйками и отлично справлялись со своей задачей вести табун в безопасный режим, когда вместо двух глаз по сторонам смотрели сразу десятки. Всё это было опять не то и не те. Конь образовывался и выполнял свой долг, скорее не как лошадь, которой движут инстинкты, и жажда захватить, как можно больший гарем, а как то существо, которое делает всё во благо самой сути существования народа лошадей (человечества), а также поддержания величием своей собственной природы и использованием тех благ от натуры, который подарил господь. Как жалко, что все его действительно умные речи воспринимались как что-то совер-шенно неважное и пустословное. Коня часто считали чудным, но из-за его чрезмерной стро-гости и убедительности, по крайней мере не старались надсмехаться над ним.

Время шло и маленький угольного цвета жеребёнок постепенно преображался в краси-вую и довольно лощённую лошадь с крепким вытянутым корпусом, длинной и широкой шеей, довольно длинными ногами, мощными копытами, длинными ушами и длинными глазами, а ещё длинной мордой. Несмотря на все эти детали, выглядящие по отдельности несколько нелепо и даже дурно, композиция, собранная в лошадь, создавала их образ довольно прилич-ный и даже гармоничный. Его несколько не по породе выпуклые и раскосые глаза сбоку смот-релись совершенно обычно, как у другой лошади, но из-за того, что свет падал как бы более объёмно, окутывая глаз природным блеском, то эти блики как бы гармонично расплывались по всему глазу, от чего конь всё время имел нескончаемый блеск в глазах, даже в очень неслетлом месте. Носик коня был небольшим, но с таким же небольшим ротиком он смотрелся триви-ально. Его слегка белокурые волосы в определённых местах полностью затемнились и лошадь как бы стала идеально чисто вороной, но на его лбу выросла громадная проточина, которая была с очень длинными волосами по бокам, из-за чего создавалось впечатление, что лошадь имеет длиннорослую шерсть, однако он имел совершенно обыкновенную для дикой лошади густоту шерсти, потому его проточина была лишь иллюзорным восприятием такого эффекта, который достигался благодаря белой шерсти, растущей как бы лёжа, а не встав, потому созда-валось впечатление длинных волосков. На тот момент этому жеребёнку уже исполнился год и по этим меркам лошадь достигает своего самого активного пика роста. Он всё ещё был слегка худощав и хрупок от самой своей природы, но всё же было видно, что его генетическая линия была идеальна и коня в скором ждёт хорошее будущее, возможно, в собственном табуне. Кра-савчик нравился всем кобылкам, молодёжь смотрела на него как на образец хорошего интелли-гента, который был чрезмерно приличен с собою и который уже, казалось, совершенно точно не

может связывать себя с тем маленьким и борзым хулиганом, каким он являлся ещё несколько месяцев назад. Неведомост изменился за то время, пока рос.

Отец занимался постоянно хозяйственными делами и правлением табуна. У него возникли некоторые проблемы с территорией, дабы другие более сильные табуны захотели отнять её и потому он практически не участвовал в воспитании своего сына, постоянно улаживая местные конфликты и занимаясь политическими демократическими разборками. Орсунах взяла полностью на себя воспитание своего сына и посвящала ему всё своё свободное время. Параллельно с этим отец по своей порядочности заводил отношения с другими кобылами, причём Орсунах не злилась, дабы у них наоборот принято иметь сразу гарем из нескольких кобыл и продлевать свои гены. Она тосковала по мужу, но пыталась это скрывать, только бы не доставлять ему лишнего стресса и хлопот. В начале такое бунтарство несколько пугало мать, ведь как она потянет такого сынулю, который действительно вёл себя очень экстравагантно и развязно, можно сказать она даже боялась его, а сама была как белый лебедь, ангел кротости: совершенно по-доброму обращаясь к своему сыну, и почти не прикладывая никакого воспитательного процесса. Казалось, конь должен был сесть на шею и ещё больше избаловано относиться к окружающим, но вместо того, он наоборот приутих и стал старательно угождать матери во всём, что она от него ждала и причём он это уже с привычки делал, и сама эта его черта доставляла удовольствие ему, коню нравилось быть лучшим, порядочным и скромным. Изменившийся до неузнаваемости Неведомост не радовал отца, ведь он считался тюфяком и точно не предполагался, что когда-нибудь настанет тот день, когда его выходец сможет помочь в деловых вопросах, а уж тем более построить самостоятельную жизнь. Неведомост имел достаточно слабую память и потому не мог учиться деловым отношениям и сложным глубинным путям, был слаб в политике и в целом не особо интересовался этим. Неведомост не собирался становиться правителем, а уж тем более занимать наследство своего отца в виде табуна. У коня были ещё другие его братья и сёстры, с которыми он и коммуницировал, как паинька. Но каждая кобыла от одного жеребца занималась воспитанием исключительно своего жеребёнка. Неведомост увлекался травами и ему нравилось наблюдать за тем, как пробуждается природа после тихой ночи и засыпает после истощного дня. Однако, в пользу для лошадей это удовольствие не имело никакого значения.

Несмотря на всю проблемность и неполноценность этого жеребёнка, мать его жалела и часто делала за сына большую часть работы, которую ему поручали. Поставили охранять на пост границы земли с остальными доминантными кобылами и молодняком из жеребцов - как Неведомост под своими ногами упустил стаю волков, которая могла навредить жеребяткам? Лошади проводят службу постоянно, охраняя границы от своих конкурентов. Но хищники не являются исключением и если они появляются, то моментально должны быть изгнаны с земель. К счастью, на помощь подоспело вовремя несколько пожилых и беременных кобыл, которые защищали своих жеребят очень упорно и яростно. Но до чего нужно дойти, чтобы по ситуации кобылы были вынуждены со своими болячками и женской меланхолией противостоять смертельно опасным врагам. Так и во всех других делах толку от жеребца было минимально. Он любил свою мать и делал максимально много для её комфорта. Так семья жила несколько месяцев и к полутора его годам Орсунах снова забеременела, только уже как, все думали сестричкой. Джерард ходил очень хмурый и почти перестал обращать внимание на свою жену, однако узнав об этой новости, смягчился и стал больше следить за ней.

Но потом дела стали совсем плохи и границы уже было невозможно просто охранять, потому Джерард ушёл со своими лучшими бойцами на Юго-запад и поручил молодым и небеременным кобылам приглядывать за своими сёстрами, которые сейчас нуждаются в уходе. Он так же сказал, что, если будут тревожные сигналы, чтобы все женщины со своими детьми прятались в убежище, с ними остаются молодые жеребчики, которые проведут беззащитное население в безопасную зону в случае чего. Примерно за месяц до предполагаемых родов у кобыл

начинается активное развитие вымени – маммагенез. Увеличивается кровоток, происходит интенсивный рост и развитие железистой ткани, вымя увеличивается в размерах, становится упругим и более плотным, но сохраняет эластичность и мягкость. Набухают молочные вены. Примерно за 3-4 дня до родов на кончиках сосков появляются «восковые свечки» - капельки застывшего молозива. За несколько часов до родов капля молозива может стать более интенсивной, что хорошо заметно по засохшим липким полоскам на задних ногах кобылы. Иногда истечение молозива может продолжаться до нескольких дней или недель перед родами, что приводит к потере ценных иммуноглобулинов и антител, что и произошло в случае со 2 жеребёнком.

Через ещё 11 месяцев изменилось многое: Джерард ушёл на войну с "Аделаргами" (соседние несколько табунов, которые решили объединиться в один строй и захватить эту территорию, чтобы поделить между собой). Они не смогли смириться, что лучшие земли достались коням нравственного круга, а не круга приоритетных перспективных лиц с целевыми и формальными взглядами на жизнь. Орсунах была очень всполошённой, ей было страшно за всё, за будущее их земель, за будущее табуна, за своего мужа и за своего ещё не родившегося жеребёнка. «Как он переживёт такие тяжёлые времена, что он будет есть, если вдруг табуну придётся покинуть эту землю и где они будут выживать всё это время? Как эта маленькая детская, невинная, чистая душа сможет перенести столь чёрные и мрачные годы своей жизни, останется ли эта душа такой невинной после того, как познает ненависть, злобу и жестокость, которая, очевидно, не оставит их или ослепнет духовно, умрёт нравственно и погрязнет в бессознательное монотонное поведение», - мысли Орсунах были направлены, в первую очередь, к самой себе, но она понимала зачастую, что ей придётся задать этот вопрос не только себе одной, но и в скором времени к самым главным вожатым их табуна.

И вот вступают холодные февральские ночи, в одну из таких ночей среди ледяных пустынь, где температура ночью опускается ниже 0°, она с криками боли и слабости старается родить. В это время никто не присутствует - ни кобылы, ни жеребцы, ни наставники. Все настолько были заняты своим погружением и ожиданием, что забыли про своих близких и совершенно не обращали внимание на истошные крики помощи кобылы, она хотела, чтобы просто её поддержали. В первый раз, когда она рожала Неведомоста, те времена оказались блаженным началом новой жизни. Успешное рождение жеребёнка и приветливая, цветущая обстановка тогда скрепляла все хорошие моменты и выводила лошадей на позитивную ноту. Кобыла продолжила стонать. И тишь, и ропот, и нет ни капли оглядки на кабучу, а ей и так было тяжело, что воздух, вдыхающий ею, казался ей адским. И всё было, и каждая мысль о том, что она живёт и испытывает такую боль, и каждый силуэт, запах, вкус, звук - всё её раздражало и, пока непрекращающаяся боль в её животе не стихла, кобыла не могла остановиться в своих страданиях.

Как оказалось, во время родов случилось то, когда одно или оба плечика плода задерживаются в полости малого таза более одной минуты после рождения головки.

Основной причиной дистоции плечиков считают клинически узкий таз, когда размеры плода (в данном случае его плечевого пояса) превосходят размеры таза женской особи, однако в более чем половине случаев дистоция плечиков развивается у них с нормальным тазом. Нередко наблюдается нарушение дыхания. Даже незначительные повреждения стенки позвоночной артерии могут вызвать ее спазм, нарушение вертебробазилярного кровотока и привести к молниеносной смерти плода в процессе родов или развитию паралича у новорожденного. К счастью, ни того ни другого не случилось, жеребёнок вывалился, будто из револьвера, да так, что, ударившись о землю, он ещё умудрился потерять сознание, так как упал на височную часть своего лба. В результате, исстрадавшаяся кобыла продолжала реанимировать своего жеребёнка, у которого временно приостановилось дыхание, и она уже решила, что второй потомок уже никогда не проснётся. Благо, кобыла обнаружила вскоре, что он дышит, однако малыш

всё ещё не мог открыть свои глаза и был невероятно слаб. К тому же, у него были несколько скручены суставы и слишком лихорадочное слабое состояние. Большой вопрос: выжил ли бы он в тот вечер, если бы Орсунах, не отходя от него ни на минуту, постоянно будила его, не позволяя ослабеть и умереть.

Когда наступило утро, обеспокоенные ею несколько кобыл с табуна пришли на поле с вопросами. У них были очень испуганные морды, и, уставившись на кобылу, они стали осыпать её градами вопросов так, как будто они всю ночь не спали, а бегали и были разлучены с ней неким-то невидимым забором и всю ночь они кричали и были в неимоверной тревоге. Им было тяжело и не всё равно, они делались готовыми сделать всё, что угодно, чтобы у кобылы стало с родами всё хорошо. Она посмотрела на них с такой болью и несчастьем, как будто в её взгляде читалось выражение: шли бы вы подальше со своими натянутыми лицами и фальшивыми расспросами, за что вы меня так наказываете, оставьте меня в покое. - Когда она истошно вопила, а ведь эти звуки могли услышать кобылы в табуне, ведь она ушла недалеко от них, то ни одна хорошая кобылочка не решилась прийти на помощь. Уставшая Орсунах моментально проигнорировав своих сестёр, рухнула на холодную землю своим телом и, облизав всё ещё от крови не обсохнувшего жеребёнка, уткнулась носом ему в бок и замерла в таком положении. Она знала, что эти лошади совершенно не жалели её на самом деле, ведь всё равно, какие бы законы природы ни руководили бы - всегда обидно, когда есть та единственная, которую любят и почитают больше, чем остальных. Все эти жёны Джерарда являлись второсортными, нужными для продолжения рода кобылами и осознавали свою беспомощность в отношении к этой кобыле, и этот жест являлся скорее больше насмешкой. Вскоре, кобылы покружили вокруг неё и решили, что пора позвать Джерарда, который, по их мнению, должен был усмирить эту нервную злую кобылу. Прошло около часа, как к матери подоспел Неведомост. Он был поражён и восхищён тем, что может видеть теперь это маленькое кругленькое личико, тоненькие и озорные ножки своего братца. Когда-то он ещё и сам был таким совершенно недавно вышедшим из такого возраста. Сейчас у Неведомоста наблюдался переходный период и он, будучи уже более рослым, чем его новорождённый брат, бросился к нему на всех порах, остановился и, прижавшись носом к своему братцу, ожидающе взглянул на свою мать.

Она одобряюще на него посмотрела и после этого Неведомост весь день кружился вокруг него.

— Как же, как же я мог не заметить, что такое счастье вдруг возникло в нашей семье! Маман, это чудо, явное чудо, вон, гляди, какие у него шикарные карие глаза! А ещё он такой, такой будет озорной. Я уже представляю, как в будущем, когда он чуть-чуть подрастёт, мы начнём с ним вместе ходить на речку, мастерить из гнилого дерева каюк, отправляться в многодневные прогулки по реке, увлекаясь в культуру пресноводной флоры и фауны, разглядывая под водой интересные водоросли и рыб, которых мы можем там встретить, а потом приплывать на какие-нибудь незабвенные острова и там, как и наш отец, искать какие-нибудь травы, которые непременно пригодятся нам. А ещё моя главная мечта со своим маленьким братишкой отправиться путешествовать по самым красивым местам нашего заповедника, чтобы каждый вечер провожать солнце за горизонт и встречать его вновь радостно, когда оно будет просыпаться. - восторженно и почти уже воображая говорил Неведомост матери.

— Сынок, я предпочту не говорить с тобой сейчас. Поди, принеси мне воды, пожалуйста, ходить я пока не могу, ведь у меня началось с этой беременности кровотечение и не знаю, сколько оно будет длиться.

Перепуганный Неведомост тотчас же побежал за глиняными плошками, начерпал из пруда янтарную торфяную примесь и, вернувшись к матери, продолжил восторгаться своим младшим братом. Она ничего не говорила, постоянно пила и испуганно оглядывалась по сторонам, помывала своего младенца. На её лице нельзя было прочитать улыбку радости или хотя

бы облегчения, как будто кобыла сейчас была в некотором шоке и совершенно не обращала внимание на своё удавшееся дело.

Прошло несколько дней и за то время жеребёнок смог открыть глаза, окрепнуть, он встал на ноги и наравне со своими сверстниками старался ходить, но пошёл он совсем не так, как это делают другие жеребята через 2-3 часа после рождения. Этот малыш смог встать на ноги аж через 8 часов после своего рождения и почти сразу же снова свалился на землю. Его болезненная розоватая кожа, а также совершенно немоющее тельце не создавало никакого впечатления, что этот жеребёнок действительно сможет выжить. Он был вдвое слабее и мельче даже жеребят самок, вес его едва превысил 29,9 кг, был худ, бледен, а его рыжая блёклая шерсть становилась слегка блестящая на солнце. Жеребёнок уже сразу родился с белой очевидной проточиной, которая была почти в одну и ту же ширину, то есть почти бесформенная, но ближе ко лбу разорванный зонтик. Ушки большие в соотношении с головой, грива цвета пепельного хвоста в уже потухшем огне. Цвет шерсти ярко-ярко рыжий, почти бледный, а на задних ногах по белым носкам с песочным цветом копыт. Нос имел слегка приглушенную розоватость. Сам малыш был явно против контакта со своим озорным братцем, и потому показывал всяческий испуг и непонимание, что происходит в округе. Лошади сразу взбесились как увидели малыша: им казалось, что он причинит вред здоровым жеребяткам своим болезненным ядовитым видом, и дело было совсем не в том, что он выделялся. Просто больной и слабый жеребёнок заведомо будет требовать рано или поздно нормальную обычную еду и лошадям нужно будет с этим мириться. Первые несколько кобыл, которые только что кричали о своём переживании вдруг резко встрепенулись и, подойдя к кобыле, с насмешкой и призрением уставились на жеребёнка, потом снова на кобылу и задали прямой неправильный вопрос:

— Он что, точно должен быть в табуне?

— Что вы имеете в виду, леди!

— Такое странное чувство, будто ему не стоит давать шанс.

— Как же ты посмела открыть рот и замахнуться на его жизнь! Совести у тебя вроде нет, сама рожала год назад и знаешь, каково это, когда тебе начинают втирать!

— Нет-нет у меня был здоровый, крепенький, а твой совсем...это же для его блага, зачем мучить дитя! Не выживет сто пудов.

— Да откуда же знать-то? Вы будете прогнозировать. Можете делать как вам угодно, но я знаю, что он точно выживет, ибо в вашей мелочной голове лучше, чтобы каждая лишняя особь была убита или изгнана. - с отрешением, обидой и испугом проговорила кобыла.

Через несколько дней Неведомосту стало интересно, как же зовут его маленького братца, но они договорились с матерью, что пока отец не вернётся со службы и не уладит дела по территориальным земельным участкам, она не будет давать имя малышу, так как отец больше всего хотел назвать его по-особенному. Но его всё не было и тогда Неведомост предложил матери пока временно дать ему имя. Мать отказалась, ей больше всего хотелось поскорее возвращения мужа.

— Если так пойдёт дальше, то уже совсем скоро все забудут о рождении моего братца, уж неприличный срок идёт без первуши.

— Это исключение. По понятным причинам сейчас мы не даём ему.

— Мама, ты сама прекрасно знаешь, что на первой стадии привязанность жеребёнка зависит именно от его клички, которую используют мать во время контакта с детёнышем. Пока ты не будешь его называть, он будет не воспринимать твоё обращение к нему, и ваша связь не станет такой крепкой.

— Вздор. Лучше потерпеть, и потом всю жизнь сынуля начнёт носить действительно важное имя, а я что я могу дать? Только деревенское простенькое имечко, что не сделается принятым всерьёз общественностью и скажется на его дальнейшем успехе в социальной среде, - так они и жили, ожидая коня.

Через месяц Джерард объявился с хмурым, почти безжизненным лицом и сразу отдал приказ о своей отставке на несколько дней. Пока его будут замещать опытные старшие кобылы. Жеребцу нужно было некоторое время осознать свою безысходность. Жена узнала о его приходе самой последней из всей группы лошадей случайным образом, когда один из лакейчиков выбежал доносить весточку о приближении с севера каких-то подготовительных операций. Лакейчик упомянул Джерарда, который ожидает несколько жеребят там. Кобыла была на пике расстройства, она поняла, что коню всё равно на её присутствие или отсутствие и сама пошла к нему, "волоча" своего больного, еле двигающего ногами рыжего жеребёнка.

Пройдя три мили по западной части резервата, оказавшись на более-менее луговой части их остановки, она бросилась к мужу.

— Здравствуй! - произнесла кобыла с надеждой и посмотрела на него.

— Приветствую! Позволь мне сказать: я был там и знаю, что дела обстоят нехорошо. Пока мы разошлись на натянутых нотах и сейчас у нас нейтральный период: как будут развиваться события дальше - пока неизвестно, возможно, придётся уйти отсюда, так как несколько табунов объединились против нас, чтобы получить хорошую территорию, не всегда бывает полезно владеть такой плодотворной землёй, просто её в любой момент могут отобрать введением в группу, а потом между собой начнут точно так же делить.

— Ох, как плохо! Я рада, что ты вернулся. Ничего не хочешь заметить?

Жеребец осмотрелся в округе и каким-то равнодушно-усталым взглядом случайно бросил взгляд на маленькое существо, стоявшее на своих тонких ногах, и это самое существо тёрлось о бок своей матери в надежде получить ещё молока.

— Боже, какая прелесть, прибившийся малец! Чей он, интересно! Жаль его, ну так пусть бегаёт здесь. - Орсунах вопросительно остановилась в недоумении на жеребца и не могла поверить в то, что он только что сказал.

— Позволь, моран, наш же.

Жеребец моментально недовольно посмотрел ещё раз на маленькое существо и с брезгливостью отошёл в сторону.

— Зачем? Милая, я тебя не отругаю.

С уколом и презрением к мужу кобыла сдерживала слёзы и сильно стискивала зубы. Она больше не хотела слушать, резко развернулась, махнула хвостом так, чтобы задеть жеребца и ушла. Не поверивший в то, что такое слабое ничтожное существо могло быть его сыном, Джерард догнал жену, извинился и ответил, как есть, что недоволен тем, что этот выводок оказался теперь его сыном, и что теперь ему придётся брать на себя такую сумасшедшую ответственность, и что это существо непременно погибнет в скором времени. Мать со злобой сказала, что всеми детьми, которых она родила - он недоволен, и что в каждом он непременно выискивает недостатки. На это же ответил, что здесь откровенно другой случай, и что это откровенно не жизнеспособная сущность будет только потом вызывать слёзы у пригrevшегося народа, и что это будет только лишней проблемой для табуна. Он и не советовал избавиться от жеребёнка, но явно был не готов к этой мысли и долго привыкал.

Жил этот жеребёнок хуже других, ему не давали нормально лечь, отдохнуть где-либо, гоняли отовсюду, а отец не вмешивался. Он и рад был тому, чтобы кто-нибудь по чистой случайности завершил его жизнь. И нет, он никогда ранее не проявлял обыкновенную жестокость. Он был реалистом, рассуждал до тошноты логически и не хотел, чтобы потом все страдали из-за его кончины, и сам ребёнок умирал в муках от голода, холода или несправедливости. По правде говоря, он бы и сам хотел прекратить его существование, но боялся, что кто-нибудь его увидит, а потом пойдут слухи, и что он скажет Орсунах. Мать не давала его никому в обиду.

Неведомост задал вопрос отцу: как бы назвать младшего брата, а он, почти не общаясь со своим первым сыном, отмахнулся и заявил, что такому он не собирался давать никакого имени по чести. На это Неведомост ответил, что знает своего отца, и тот ценит коней по их нрав-

ственному расположению, а не по физическому здоровью. Конь заявил, что это ему в жизни никак удачи не принесло и тише жизни не сделало. Неведомост обиделся за собственного отца и решил, что раз брат до сих пор без имени, то значит, он сам назовёт его. И как-то само собой пришло ему в голову «Рыжик». Да имечко как-то совсем не пришлось ему, все дразнили рыжиком и мать отмахнулась от этого имени. А после, когда уже норма по выдержке в поиске имени стала невозможной, мать заявила, что растрогает их отношения, если отец не будет принимать участие в воспитании и в своём отношении к сыну. Напуганный Джерард этим её уверенным настроением начал перебирать в голове склад имён, которые хотел бы дать сыну, тому самому идеальному сыну, которых вечно хотят эти недовольные папаши, и которых они, конечно же, никогда не получают. Отец выдул из тебя имя «Ирабина». - абсурд и неординарный. Необразованной кобыле Орсунах он пояснил, что это великое имя очень древнее и достойное. Она стала спокойно спать. Но жеребёнок всё равно страдал. Молоко матери было не самым питательным из-за гинекологических проблем, поэтому она знала, что скоро раньше времени придётся начать переходить ему на сено, как справится его без того слабый и неприспособленный к жизни организм - её очень пугало. Она и правда не могла не согласиться с тем, что боится его смерти в скором времени, но какая-то внутренняя жизненная воля при взгляде на того жеребёнка заставляла мать сразу раз надеяться на то, что произойдёт чудо. По крайней мере он сможет стать нормальным конём.

— Какой дурак, безымянный дурак?

— Почему безымянный, почему он безымянный?

— Потому что безымянный! Ахахах!

— Ничего себе, впервой какой малыш, что имя своё не получил.

— Эй, глупышка, как тебя звать? - на издевательство и насмешки он не реагировал, по правде говоря он был молчаливым и не произносил ни одного слова. Как бы его не ругали и не дразнили, он, как и всегда старался придерживаться нейтралитета. Играть он ни с кем, естественно, тоже не собирался. Единственная, с кем он ещё мог обменяться пару словечками - это его мать, несомненно, с ней он мог найти легче всех язык. Неведомост защищал своего брата от местных дикарей, но толку в этом было немного, ведь жеребята тут же бежали жаловаться своим мамашам, которые приходили и задавали Неведомосту за его агрессию. Однажды на поле к нему докопались несколько жеребят, которым было по три месяца, и они всегда гуляли тройкой.

— Хей, поцык! По-итальянски понимаешь или по-английски? ААА! Ты никак не понимаешь, ты же немой! - жеребёнок снова поспешно решил удалиться с тропинки, но его окружили со всех сторон так, что идти было некуда и оставался вариант только вернуться влево и там через густые заросли и канаву уйти. Справа, слева, сзади, спереди - всё были они. Угрожающая толпа начала надвигаться, и он по привычке стал пятиться назад и, уперевшись своим хвостом в голову, моментально отскочил вперёд, там уже встретил разъярённый гнедой жеребёнок, который схватил малыша за шкуру и начал удерживать. Трое других жеребят стали обзывать его и со всей силы бить своими копытами как по груше. Они били его в бок, в грудину, да так, что тот онемел, задрожал и будто умер. Из-за этого удара в грудину он уже не мог встать, это было самое худшее место удара. Банда кусала за бока и причиняла боль ему, а он пытался вырваться, но его удерживал сильный жеребёнок. Через несколько минут после избиений его оставили одного в этих кустах, угрожающие объяснили, чтобы он никому не смел рассказывать. Толпа ушла, и через сутки мать нашла его окровавленного в синяках и с одним опухшим глазом, лежащим на земле. Она была в ужасе и решила разобраться с хулиганами. На следующий день кобыла пошла к молодняку предварительно подозреваемых жеребят и не прогадала, высказала им своё недовольство, и ушла.

Малец какое-то время не отходил от матери, но были моменты, когда ей необходимо отлучаться с Джерардом и с другими кобылами по делам в то время, как молодняк оставался на

безопасной земле. Вот в этот-то день ему досталось по полной. Они устроили тёмную. Слабенький решил пойти попить воды из прудика, где всегда летало много стрекоз и была слегка мутноватая вода. Она была такой из-за постоянного концентрированного в ней скопившегося флорой и фауной микроклимата, который бесконечно цвёл. Не успел жеребёнок сделать и шести глотков, как его вдруг кто-то сильно сбоку, подскочив - толкнул и зубами, впился ему в бок, свалив таким образом с ног и перевернул его на спину. Испуганный, он поспешил моментально встать, как внезапно кто-то уже с другой стороны, в этот момент снова ударил его с такой же силой. Жеребёнок снова упал, но на этот раз не успел встать. Остальной молодняк окружил его со всех сторон и начал поочерёдно избивать. Рыжик попытался отбиться своими копытами и зубами, но бился он не с такой яростью и настроем, как они, потому получил по полной. С кротостью по самой судьбе, он находился и чувствовал на себе все эти удары, осознавал на сколько его стыд выходит наружу, и конь не мог совладать со своими эмоциями. Жеребята придумывали разного рода пытки, пока несколько удерживали, другие били со всех сторон его. После жестоких избиений они оставили его лежать и на этот раз уже привязанным к разорванному пню за сучок. Жеребёнок морился голодом и жаждой, мать его в это время как раз отсутствовала.

Прошло несколько суток и узел слегка ослаб. Жеребёнок в очередной раз потянулся и освободился. Всё это время он не мог вырваться, так как не имел понимания и навыков при выходе из подобной ситуации. Сейчас он был похож на худощавый плод, у которого скелет выступал наружу. Как он выжил в тот день - о чудо, но от обезвоживания едва ли стоял на ногах, а какой смысл выбираться, если уже не можешь идти? Благо, недалеко от этого места находилась небольшая болотная часть. В болоте многие животные находят подходящую растительность: траву, ягоды, там можно чем-нибудь покормиться. Лошади не приспособлены для хождения по болоту и моментально могут утопиться, однако вариантов особо нет - рыжий сделал над собой усилия и вышел в болотную часть. Там он стал взахлёб есть какие попадались ему травы: без разборов, что можно есть, а что нельзя и одновременно с этим опускал своё рыльце в торфяную влажную грязь, откуда черпал жидкость. Там он приходил в себя и отлёживался в районе трёх часов, и когда немного поднабрался сил, подскочил и направился в табун.

Глава 2

— Это ужас просто! Как так получилось, от чего они тебя так?

— Маманш, слушай, мне надоело, что ты решаешь мои проблемы за меня. Я устал, я очень устал, что вечно нуждаюсь в ком-то, и что не могу за себя постоять, - резко и уверенно сказал жеребёнок, который всегда обычно молчал.

— Это бывает, сынок, ничего уж тут не сделать. Кому-то везёт больше, но кто-то терпит побои со стороны окружающих. Я готова всегда встать на твою сторону, но ты должен пообещать мне, что не будешь расстраиваться и бояться. Будь деревянной, - ответила мать.

Рыжий больше всего боялся, что избыют его мать или навредят ей. Он хоть и знал, что она взрослая - группа жестоких подростков может окончательно озвереть. Ирабина дрожал, но он больше не хотел попадать в подобные истории. Жеребёнок всегда был рядом с матерью. Если она куда-то шла, то непременно сопровождал её. Он боялся за себя, что, оставшись одним, он непременно подвергнется избиениям, или мать, которая будет не в безопасности. Орсунах жалела сына, а Джерард брезгливо и равнодушно относился к сыну, у которого не хватало сил справиться с наступлением.

Когда жеребёнку исполнилось пять месяцев и наступил жаркий июль, Неведомост, будучи двухлетним юниором, обзавёлся кобылой Де Порри. Она была красивой караковой масти с длинными крепкими, но тонкими ногами, небольшими, но выразительными глазами, курносой мордой, ровно поставленными ушами, продолговатым корпусом, высоким крупом, коренастыми бёдрами, едва ли заметно грязно-жёлтым пятном на лбу. Она являлась очень популярной среди остальных жеребчиков, однако предпочла Неведомоста за его индивидуальность и независимость от других в коллективе. Пришло время познакомить Де Порри с младшим братом. Больше всего Неведомост хотел, чтобы кроме него одного кто-нибудь ещё из лошадей относился к отпрыску с такой же жалостью и милосердием на его безнадёжность. Познакомились они во время похода Неведомоста с Джерардом на земли потенциальных врагов, и там по пути возле реки они познакомились и провели несколько дней вместе. Когда угольный жеребец уходил, то дал обещание своей неповторимой, что явится хоть в одиночку и они повторят неделю вместе, потому что пока он не мог оторваться от отца, когда у того дюжина проблем и мало понимания, как их решить.

Всё время, пока жеребец общался с Де Порри, если разговор заходил о семье Неведомоста, то тот с неумолимой и особенной гордостью разговаривал о братце своём. Кобыла, изучающе слушала его и принимала на веру его слова.

Дело дошло до подготовки действительного знакомства, Неведомост замыл братца своей нуней, набучив шерсть и круговыми плавными, но чёткими движениями стал массировать шерсть с боков, но начал с хвоста по направлению снизу-вверх и к середине. То есть, сначала ноги, потом постепенно круп, плечи, шея, и в последнюю очередь спину. После тщательной прочистки, он поспешил вместе с Аншлагой к реке Маррамбиджи — основной реке австралийского штата Новый Южный Уэльс и Австралийской столичной территорией в устье Муррей, с высотой истока над уровнем моря 1600 м и общей площадью воды 80000 км². Маррамбиджи - самый крупный первый приток главной реки Мурри. Всё находилось ближе к восточной части от заповедной зоны, в которой жили лошади. Идти туда нужно было 80 миль, путь должен лежать через долину Австралийской столичной территории, его можно было повернуть Неведомосту в одиночку и за 1 день, но учитывая возможности своего братца, он рассчитывал, что придёт к своей подруге через двое суток.

— Я точно поправляюсь твоей золотой?

— Как ты можешь кому-то не понравиться, ты видел себя, какой ты озорной и очаровательный!

— Мало ли..., впрочем, кроме тебя и мамы я никому не нравлюсь... – равнодушно грустным голосом сказал жеребёнок.

— Да наплюнь ты. Кому в жизни везло...главное нам дойти. -

Итак, они отправились по западному направлению в Южную зону Австралийских Альп. Дорога расстилалась через длительные равнины с переходами на плотную, заросшую Гуденией, Эвкалиптом, Коримбией тропочку. По дороге им приходилось всё время делать остановки, чтобы младший брат смог немного прийти в себя и не задохнуться. Приступы начали мучить его буквально сразу же после рождения. Первые симптомы не особо проявляли себя на начальном этапе, так как малыш не двигался активно. Теперь рыжему пришлось преодолевать действительно тяжёлые нагрузки и его слабое здоровье сильно замедляло им путь. Неведомост с пониманием относился к своему младшему брату и сделал всё, лишь бы он был в комфорте. Однако, преодолев 29 миль, рыжий заявил, что больше не в состоянии двигаться дальше и потребовал от брата отдых на четверть суток. Делать нечего и в густую, заросшую поляну кактусами, остановились братья, и буквально через пару часов с их отдыха зарядил такой ливень, от которого лошади не знали, как спрятаться. Густая мембрана лошадей не позволяла им насквозь быть мокрыми, но этот страшный и завораживающий ливень сделал лошадей уже далеко не сухими. После их привала кони, образовываясь, шли. Они учились на своих ошибках, и вскоре добрались до Лазурки. Эта малютка-деревенька представляла собой себя покосившиеся от древности маленькие избы, чётко стоящие друг к другу почти вплотную. Старые, полулежащие заборы ещё кое-как напоминали незначительное ограждение одной территории от другой. Рассвет встречал лошадей, когда они от усталости чуть на ногах стояли.

— Вот-вот табун на возвышенности и к нему нам надо идти.

— Брат, а зачем нам надо было идти сюда так далеко, мы что будем здесь жить?

— Нет, мы задержимся здесь на пару суток, но эти пару суток ты запомнишь и я. -

Подойдя к табуну вплотную, Неведомост со своей показной интеллигенцией встретил глядящих лошадей. Сразу после непродолжительной задержки послышались голоса, звавшие кобылу встречать гостей. И эта красotka вновь показалась из табуна со своей всей высокой фигурой.

— Поприветствую вас здесь. Вы всегда можете быть как дома. Ой, какой милый, где ты приютил этого жеребчика?

— Так это ж мой братишка Ирабина, ему скоро будет уж как полгода.

— А вы о чём меня, собственно, хотели спросить? - спросил заинтересованный жеребёнок.

— Да нет, просто золотая не сразу увидела, что ты мой брат.

— Так ясно же, мы не родные, - вдруг с такой уверенностью и почти гордостью сказал жеребёнок.

— Нет-нет от чего же? Мама родила тебя и не бредила, когда рассказывала о своих мучительных родах.

— Я понадеялся бы на то, но очень отдалённый кажется тот мир, где живёте вы и где почти никогда нет меня, - вздыхая произнёс рыжий.

— В моём мире всегда есть ты. Золотая, покажи ему все окрестности и познакомь его с ребятами из вашего клана. Будь молодцом и увидишь, как всё здорово сложится, - опять ответил Неведомост.

Кобыла провела малыша через множество голов, которые с интересом и проницательностью смотрели на него. Малыш старался держаться, но под конец дня он так устал от их странных взглядов на себя и засмутился. Когда его подвели к молодняку, жеребёнок не знал, как ему начать разговор и что ответить. Он хотел лечь, отдохнуть, и чтобы его никто не трогал. В целом

ему понравилась эта экскурсия и с некоторыми потомками он даже смог найти общий язык, здесь правда было лучше, чем в его прежнем табуне. Под конец дня уже все с доброжелательностью обращались к малышу и радовались за Неведомоста.

В пять утра раздался крик ужаса одной шаткой матки, что буквально всполошила своим криком весь табун и все кинулись, побросав свои дела срочно посмотреть на то зрелище. Они заметили, как почти все жеребята кашляют кровью и начали вдаваться в панику. Первая мысль вскочила в голову - это отравление или заражение. Кто мог их травить, если всё это время никого в этом табуне другого не было. Тут кобылу Шарлу озарило. Она подскочила и понеслась доложить вожаку о своём мнении. Естественно, мнение у неё было довольно логично во всей этой ситуации. Она спохватилась на то, что жеребёнок, пришедший вместе с Неведомостом серьёзно болен и заразил всех остальных. Неведомост сам начищался в этот табун и никакую угрозу не поднимал. Естественно, сам рыжий ничем таким не болел и всё это стечение обстоятельств лишь совпадение, неприятным образом обернувшееся в сторону жеребёнка. Все похватались за головы и начали обвинять Неведомоста в его бестолковости. Конь стал оправдывать своего брата и заявил, что не мог он заболеть, однако Атаман был в гневе, присущий ему каждый раз в период войны.

— Больше не сунешься на эту землю или война схватит быстрее в неподготовленном месте.

— Клянусь не я, ни он, не болеют этим. Вы видели хоть один раз, чтобы Ирабина кашлял сам кровью.

— Кровь - не единственный симптом смертельной болезни. Другого теоретического оправдания нет. Всё это теория, разглагольство. А проблемы появились после вашего визита сюда. - После этого Атаман почти бассирующим звонким ржанием вызвал весь табун прочь к воде. Де Порри плакала, Неведомост просил её всё бросить и сбежать вместе с ним в его табун. Он как раз пояснил, что скоро его отец не сможет больше нести должную роль в силу своего возраста и тогда Неведомост возглавит их табун. Но кобыла ответила, что он врёт им, и что она расстроена больше не тем что случилось, а его ложью, и что в целом ясно об этом бесчестии и желании спасти свою шкуру от обвинений. Она была и разочарована, и погашена. После очернительства братца и расставания, Неведомост чувствовал себя неудачником. Ему так хотелось успехов в жизни и иметь собственную семью. Жеребец сильно устал от бесконечных диктаторских условий отца, которые не позволяли жить в безрамочном режиме, хоть такая тактика давала возможность табуну находиться под большим контролем и в безопасности. Уходящий с Лазурки, смотря в далёкий уменьшающийся в размерах табун, Неведомост залежался в своих мечтах и фантазиях о том, что он сейчас поведёт свой много десяточный табун к ручью, где всей семьёй они будут напиваться и ликовать, после пробегут с 10 км быстрой рысью, ощутят землю под копытами, с чего бы им-то...да просто с дури. Ну и под конец взахлёб съедят пол луга этой сочной сенажи. И вдруг ему стало настолько одиноко-грустно и плохо, что его это маленькое существо, которое, казалось, сейчас априори, самое дорогое, что он готов защищать и так трепетно к нему относиться, вызвало в нём настолько сильное отвращение, раздражение, и ненависть, что Неведомост в своих мыслях бросил взгляд на жеребёнка и тот перепугано задрожал, не понимая, от чего его брат настолько страшен. Неведомост шёпотом произнёс:

"Как же я наказан, ты что ты есть", но после - вдруг очнулся и осознал, что напугал это существо. Брат заплакал и отвернулся. Неведомост поспешил успокоить его и сказал, что просто не контролирует себя. В последний раз он обернулся на проклятый табун и снова в нём вспыхнули всё равно те же эмоции неудовлетворённости, несправедливости, ненависти к себе за свою неудачность и за свою тряпичность, к своему братцу за его ничтожность и жалкость, к табуну за то, что так жестоко очернили и предали их, ненависть к своей девушке, которая так легко поменяла своё мнение о нём. Но когда он внутренний провёл анализ, что ему хочется больше: принятие толпы или уйти отсюда с гордой головой, он выбрал первое. Так просто

гордость ему не позволяла уйти, и потому он решил сознаться во всём. Неведомост взял всю свою волю в кулак и быстрым шагом снова направился в сторону табуна.

— Эй братец, иди за мной, иди!

Неведомост ласково подзывал своего братца и продолжал быстрым темпом двигаться вперёд. Маленькое солнечное чадо успокоилось, увидев своего брата таким решительным и несколько оживлённым, и потому рыжий стал припевать какую-то мазурку, любяще танцевать вокруг своего братца, рвать растущий вдоль тропинки свежий клеверок и с такой детской наивностью и трепетным сердечком скакать вокруг да около. Неведомост за всю дорогу ни разу не посмотрел на братца, им двигало самолюбие и его цель. Когда они снова пришли в табун, Атаман их ещё не заметил, и несколько кобыл увидели снова их, направились к нему, чтобы донести.

— Иди поближе, ну же, прям рядом со мной встань.

Ирабина решил, что Неведомост хочет его обнять и помириться с ним, поэтому он радостно, как присущи детям, побежал к нему и попытался обнять, но Неведомост грубо его оттолкнул своей передней тяжёлой ногой, что тот упал на землю. Ирабина от боли скукожился и испуганно посмотрел на брата.

— Да, вы правы, смотрите на него, смотрите на этот отпрыск, который нас всех заразил и вас, и меня. Представьте себе, каково мне, каково мне, когда я только что об этом узнал только, что, когда я отошёл с ним на пару километров - его так прорвало этой самой кровью, а мне что делать: я заразиться не хочу, так я его отгоню от себя, а он за мной продолжает бежать, так вот я решил к вам прийти сразу сознаться, как только понял о том, что это наша вина. Я действительно, не думал о том, что он заболел и предполагал, что причина этого горя совсем кроется в другом. Приношу свои извинения. Я изгоняю его, изгоняю из этого табуна и из нашего табуна, но я не болен и не смел с ним иметь непрямого контакта. - Яростный Атаман в конце его диалога с табуном вбежал и подошёл к жеребцу с раскалёнными ноздрями.

— Предупреждать не буду, буду сразу. - почти тихо ответил Атаман и подозвал каких-то лакейчиков. Те взяли его за шкурку и потащили куда-то в центр табуна, там коня прижали к земле и начали со всех сторон забивать камнями. На шум пришла Де Порри и, глядя на своего чτιмого, не сумела сдержать слёзы и расплакалась.

— Ох, стойте, ох, нет, нет, нет, не нужно этого делать!

— Цыц: мы делаем, то что велено. - проговорил Лакейский. Кобыла выкрикивала из толпы Атамана и тот скорее подошёл к ней, чтобы всё объяснить. Она молила его о том, чтобы он отпустил его. Де Порри не любила жестокость, а поняв, что всё-таки он признал свою вину, тем более не желала его смерти. Объяснив всё это своему отцу, она подвигла отца отдать приказ об отпущении и миловании. Травмы, которые получил Неведомост больше никогда он не забудет, однако, на тот момент его просто решили изгнать. Золотая через несколько часов сумела уговорить табун принять его и помиловать, пока он не выздоровеет.

Ирабина же полностью остался один посреди глухого леса. Ему больше ничего не казалось более страшным. Ночами прислушивался к каждому свисту, шороху. На птиц реагировал как угорелый: гнался всё время в укрытие, загнал себя до того, что чуть было не умер от удушья. Боялся всего: жутко и дико ему было уходить далеко от табуна и от матери оторван был уж слишком. И вся эта жуткая жизнь уже не казалась жеребёнку прекрасным миром.

Глава 3

Рыжий спасся от грозы, сумев отыскать себе заброшенную берлогу какого-то крупного зверя. Продрогшее дитё осталось посреди пустынной глуши совершенно одно. У него не было рядом родителей или безопасного укрытия. Единственное, что ему оставалось, это просто лечь спать. Четыре месяца одинокой жизни должны были закончиться для несчастного плохо. Он почти не мог искать себе еду, у него постоянно были опасения на счёт того, в правильную сторону он движется, поэтому жеребёнок решился никуда не отходить с того места, где в последний раз расставался с братом. Так по крайней мере он не потеряется и не уйдёт окончательно далеко. Через два дня после изгнания, Неведомост показался в поле зрения рыжика и тот понял, что брат направляется непосредственно в их табун. Жеребёнок решил идти следом и стараться максимально оставаться незамеченным, но при том и не упускать быстрый темп молодого жеребца. Так они двигались в районе пяти часов, для обомлевшего это были невыносимые числа. Такое слабое маленькое существо смогло без остановок быстро бежать и всё ради того, чтобы остаться в живых. Им двигало отчаяние и одно единственное навязчивое желание: увидеть маму. Но Неведомост не собирался долго отдыхать, в то время, как смирный жеребёнок решил сделать привал, сделал расположение на поляне в желании о длительном перерыве. Неведомост с час постоял в одной позе, почти не двигаясь и явно о чём-то толковом думая. Он подскочил и снова отправился в путь. Жеребёнок, вздыхая отчаянно, из последних сил задыхаясь, и стараясь не обращать ни на что внимание, следовал темпом брата. Он боялся, что если тот его обнаружит, то изгонит из семьи или убьёт, но рыжий не сдавался и смог пробежать ещё три часа в таком темпе. Его ноги подкашивались, дыхание почти остановилось, пульс был 120, он весь покраснел и стал горячего огненного цвета. И когда малыш понял, что больше не может идти, он издал истошный вопль в отчаянии и осознании невозможности идти дальше. Злоба и ненависть к себе за свою слабость разрывали его изнутри. Этот стон услышал конь, находившийся в двадцати метрах от малыша. Старший подошёл и обнаружил жеребца всего в поту, почти в бессознательном состоянии. Удивившийся на него Неведомост, на удивление брата был невероятно обрадован тем, что обнаружил его.

— Теперь ты вернёшься вместе со мной в самом бережном и медленном темпе, как тебе будет угодно, в максимально неторопливом и комфортном для тебя диапазоне. Набирайся сил, отдыхай и когда вернёмся, будто бы ничего и не произошло. И больше никогда не появишься в том другом табуне, где золотая, где возможно моё будущее, моё начало, моя жизнь. Никто не будет подозревать о том, что ты есть, и что я вынужден с тобой существовать. Моя мать не должна ничего узнать о случившемся. «И легенду не нужно рассказывать о твоей кончине», - сказал давящий и стыдившийся конь, уверенным образом. Жеребёнок окончательно оробел, но потом встрепенулся и воскликнул: Наша... наша мать! -

Так, коротая время, кони добрались до места назначения. Немало времени прошло, но малышу требовался отдых. Он больше не мог двигаться тем темпом, какой выдержал впервой. Брат оказался мелким эгоистом, редким самотником, выбирал всегда себя, а не других. Перепуганная и расстроенная Орсунах бросилась к своим мальчикам зацеловывать их. Смертный мог просто из страха рассказать матери о случившемся, но он ещё больше испугался того, что может сделать Неведомост, если узнает об этом. Раньше жеребёнок, как и все дети, не задумывался о своей смертности и о мимолётности жизни, как не свойственно задумываться детям. Они просто живут, просто радуются, но теперь он чётко продрогнул от всей этой дикой жизни, от состояния, когда тебя никто не услышит и ты один и почувствовал себя по-настоящему смертным.

— Как же-как же так, пронесло! Куда ты ребёнка утащил, на неделю-то утащил!

— Маман, из-за жеребёнка, шли крайне медленно!

— Толкуй поподробнее, солнышко, ты пока иди, тебе нужно отогреться и прийти в себя!

Страдания жеребёнка были настолько сильны в тот момент тотального непонимания вещей, что имя «Ирабина» стало своего рода чужим, потому что на это имя было сослано всё негативное, а самое ужасное, что имечко это вынуждено было пустовать долгое время без возможности быть кем-то использованным. И так сформировалось понимание того, насколько оно чужое, за это время рыжий отвык от имени. По возвращению данное имя было заменено на случайное «Ирабина», когда отец увидел доблесть и стойкость своего сына. Это не пошатнуло отношение коня к характеру жеребёнка, он по-прежнему считал его слабым.

Так прошло 4 месяца. Больше Неведомост никак не сосредотачивал внимание на своего братца, будто их ничего не связывало. Он резко изменился, резко вырос, стал не подростком, а таким проигравшим тацетом с поднятым вниманием на своё эго и заезженной карикатурной харизмой. Он не пытался найти внимание в нравственной и народной силе, вместо этого предпочитая играть на чужих эмоциях, двигать свою жизнь вперёд-вверх формальными и классическими для животных схемами: ел, пил, желал размножаться, и потому переправился жить с Де Порри, и Атаманом, и чуждыми лакейчиками на восток, в штат Уэльс, за резерватом.

Глава 4

Сегодня, при всём при том, даже не удосужились дату поставить событию, а точнее вспомнить, в какое время жили лошади, случилось событие. Они жили в эпоху открытий, человеческой цивилизации. Первыми, кто научил европейцев делать бумагу, были — как это ни удивительно — арабы, народ, прославившийся смуглым цветом лица и сильным темпераментом. Появились в Европе римские числа, в сегодняшней литературе они считаются незаменимыми символами открытия письма для Европы. Так же здесь имел большое значение период эпохи Возрождения, имеющий светский характер культуры, её гуманизм и антропоцентризм, возросший интерес к античности. Тезису о решающем значении экономических факторов: расширения торговли и товарно-денежных отношений, и развития мануфактурного производства, в настоящее время не так важен. Впрочем, с пятнадцатого до шестнадцатого века длилась эта эпоха и зародилась она в Италии. Но, как же это напрямую связано с лошадьми? Они тогда ещё жили со своими единственными местными жителями, где не существовало такого понятия, как индустрия отдыха, и потому страдали только от местных, которые могли вести охоту на них. Джерард отродясь понимал свою родину, как никто другой. Он знал, что когда -то справедливость настанет, но пока она ещё не настала, то конечно, нужно стремиться к желанию отдать жизнь за благо цивилизации. Но стоит помнить, что люди называют цивилизацию, находясь в обществе, в группе или массовом действии, тогда как дикие, глухие места планеты считают таковыми. Для животных же всё наоборот и если они никогда не считали людей друзьями, то во всяком случае брезгают называть их цивилизацию эквивалентной их цивилизации. Так рассуждал Джерард, когда был ещё совсем малым. И людей то в жизни мало, кто видел в этих краях, но парочку за старость его предков всё-таки удалось увидеть. По двум людям нельзя судить о большинстве, но каким-то внутренним нутром конь знал, что от людей ничего хорошего лучше не ждать. Так внезапно вспомнив прошедшее, конь сознательно решился на военную операцию. Коли, ничего ему не дало это ощущение воссоединения народа и его сплочения, а только ещё больше разочаровало и теперь у коня были исключительно мелкие цели, как можно скорее устранить источник потенциальных конкурентов. По правде говоря, это был не тот табун с каким собирались первоначально браниться лошади. Аделаиды опасные табуны, какие являлись угрозой. Табун с Атаманом не самый сильный и потому мог бы стать хорошим союзником в помощь табуну Джерарда. Но он решил переквалифицироваться и как можно скорее заявить о своём несчастье, имея сотрудничество с табунем восточной части в Уэльсе. Они настучали на табун за их варварское отношение и за пропаганду лошадиной раб силы. Мол, кто-то-где-то-когда-то слышал, что сам Джерард или кто-то из его табунов не против человека и его воздействия на лошадь. Естественно, за такое здесь карается строго. Крысы моментально перешли за границы табуна Джерарда и встали на готовые позиции. Конь понял, что сейчас этот табун войдёт в состав сильных и тогда уже им придётся сразу сдаться, ведь такое огромное количество батарей не удастся сломить, а табунчики кучками по отдельности - можно. Причиной стали, как всегда, ресурсы и страх о том, что табун этот может помешать в битве с главным врагом, поэтому нужно в начале устранить ту вьедливую маленькую партию, а уж потом переходить к другим. И вот он отдаёт приказ о готовности табуна к атаке. Уже собрались все необходимые бойцы для того и начали свои предупреждения. Пушки – образное выражение, лошади использовали катапульты. Можно счесть, что это не самая что ни на есть правдоподобная история, но чёрт его знает, как лошадям удавалось проводить столь сложные операции, будучи лошадьми. Так что сочтём, что такое вполне могло быть. Дальше потребовалось немного времени, чтобы разобраться в деталях. Лошади делились на строй отряды, где стояли всегда только самые сильные и молодые бойцы. Слабое звено в табуне - это кобыла

и потомки, были отправлены в Южную часть зоны, которую тогда лошади называли "ЮОЗ". Там во всяком случае было не так смертельно опасно и в добавок несколько дальше от оружия. У лошадей не было возможности стреляться револьверами, иметь много в запасе пушек, мочь создавать мощное движение, танки, сооружения. Вся эта человеческая петрушка на то и называется - человеческая, то есть она не пригодна для использования другими существами, в том числе и лошадьми. Но им не нужны были все эти сложные устройства, лошади устраивали сложные композиции как в шахматной игре и Джерард занялся тем, чтобы расставить коней в определённом шахматном порядке, предугадывая намерение врага, заранее продумывая и считая шаги, на каком уровне они будут нападать. Лошади были расставлены так, чтобы была максимальная возможность при любой атаке врага отбиться и предугадать практически любое столкновение. Это невероятно сложно и требует определённого умственного склада. Несколько лошадей нужно было поставить за полем видимости врага, они будут в засаде, и в случае чего подхватят своих других солдат. Центральные были самые сильные: они не позволят остаться последними, чтобы не допустить уничтожение армии и не станут вставать в первые ряды, чтобы однозначно одними из первых выйти из войны. Занимая центральную позицию, лошади таким образом будут иметь возможность убить врагов, не позволяя им добраться до лошадей, стоящих сзади и являющихся самыми последними. То есть они должны пожертвовать своими жизнями, чтобы полностью убить армию врага и позволить последнему ряду лошадей остаться в живых, чтобы армия их вышла победителем. При том у лошадей есть некоторые традиции и ритуалы, когда они начинают войну, нужно соблюдать эти традиции. В противном случае будет Хаос и лошади в атаке и панике не особо смотрят, куда они целятся, а точнее на кого, поэтому всё быстро и болезненно, и очень велика вероятность того, что лошади сотрутся в общую мясорубку, нападая друг на друга и собственных братьев уничтожая. Животные не могли обдаться армией в ленты разных цветов или завести из-под земли флаги. То дело человеческое. Запах позволял разделять своих от чужих, но в сражении ароматы заглушены пыльными крошками, воздухом из пота и крови собратьев, так что это в общем пространстве вызывало осязательную неясность. Для предотвращения мясорубки, в начале идёт первый строй рядов и строго сцепляются несколько послабей с группой поменьше сильных и сопоставляют силы, примерно делая их равными. Соперники могут хитрить, уводить сильных жеребцов в кусты и там их добывать какими-нибудь присевшими строями, пример: если на глазах очень мало лошадей, но в укрытии основной состав, то эта хитрость позволяет убивать самых сильных. А могут и вовсе притвориться, что на стороне кого-то из табунов, могут даже перед дуэлью извлекаться в падали или в навозе, чтобы сбить с толку противника. Джерард продумал все ходы, а Орсунах недомогала по причине полного ужаса перед предстоящим событием. Кобыла посвящала всё свободное время рыжему. Она старалась максимально абстрагироваться от дурных мыслей и страхов, боясь этим напугать малыша и навязать ему ещё большую неуверенность, которой и так было предостаточно в мальце. Был он робок и по-прежнему слаб. Но несмотря на то, что брат его поступил максимально гадким и чёрным образом, через несколько месяцев после ухода Неведомоста, рыжий скучал по нему и интересовался, где сейчас его брат и жив ли он? На все подобные вопросы Орсунах отворачивалась и обращалась в слёзы.

Летом, 1537 года, наступил ровно 1 год с начала напряжённого времени. Неведомосту было уже два года, а рыжему исполнилось семь месяцев. Он был так взволнован отсутствием брата, что решил уйти из табуна и найти его. По правде говоря, Неведомоста то больше никто и не видел.

Утро, семь часов, где-то раздаётся звук взрыва. Лошади, перепуганные вскакивают со своих мест и начинают хаотично разбрасываться в разные стороны. В это время, Неведомост ещё спал и, когда очнулся от сновидений - не до конца понял, что произошло. Ему всё показалось каким-то ненастоящим, как будто он всё ещё спит. Но это был сырой, влажный воздух, какого всё равно не будет во снах в этом в самом осязаемом виде. Вождь велел срочно

убраться со здешних мест на юг, в более безопасное место. Это заповедная зона, где лучше всё будет переждать беспокойный период. Неведомост был несообразительным конём, и что у него не выходило, так это включать голову и быть самодостаточным в нестандартных ситуациях. Он не сразу сообразил, что лошади выдвинулись по этой причине через сокращённый путь, лежащий на южную Австралию, через глухие пустыни, лишь для возможности успеть к возникновению предупреждающих подготовительных военных операций с другой стороны границы. Конкуренты начали запускать катапульты и делали они это сугубо для предупреждения о своей готовности напасть в любой момент. Атаман был в негодовании от такого неожиданного звончка, но делать нечего, и он угонял табун, как можно дальше, чтобы не пострадали его бойцы. К этому времени Неведомост оказался слишком далеко от того места, где он бы, пройдя шестьдесят миль, мог бы ещё увидеться со своей маман и попрощаться с семьёй, объяснив им эту ситуацию. Так вот ведь уж неполадка: как объяснил Атаман, звуки и стрелки как раз идут со стороны Востока, где бывал единственный табун лошадей - Джерард с Орсунах. Тогда-то в голове коня и возникла страшная картина: он осознал, что ему уже не предстоит выбирать, да он всё сделал для того, чтобы выбрать сторону Атамана и его монополии. Бедный дрожащий жеребец был перепуган, ведь в этой войне будет участвовать его мать, и собственный сын не смог обратиться к себе, как к убийце своей матери, осознать себя, как убийцу своего отца. Он не видел себя с этими лошадьми, ему казалось, что находится он здесь только из-за мимолётного каприза и лёгкой жажды свободы, но, когда обстоятельства приняли слишком серьёзные обороты, Неведомост сконфузился и решил сбежать туда, где его уже точно не найдут. Он не хотел в этом участвовать, но и возвращаться в свой собственный табун конь не был готов и не потому, что имел честь любить свою девушку до терзания души этой мыслью, а лишь из-за трусости, слабости и непонимания того, где сейчас должен располагаться его собственный табун, ибо идти до него ещё в два раза теперь дольше, чем на прежней территории в Уэльсе. Времени нужно брать предостаточно, чтобы добраться до его родного табуна. При том, если лошади вдруг за этот период решатся атаковать друг друга, Неведомост не будет иметь шансов остаться в живых: или его разорвёт собственная семья, которая поймёт, что он породнился с предателями, либо нынешний табун, который увидит в нём самое глупое и не знающее, куда себя деть ничтожество, которое точно даже побрезгуют убивать, но убьют скорее, чтобы больше никогда в жизни не видеть его морду. Конь оставался один в лесу и стонал от собственного морального истощения. Он не смел предложить Де Порри, чтобы она побежала с ним, ведь это её также родители и братья, старики. И вообще, по правде говоря, он не показывал, что против этой войны, хоть и в душе распирало его от негодования. Конь понимал, что получит сразу смертную казнь, если намеркнёт на свою инициативу. Пребывал так он в полном одиночестве где-то с месяца, сам не знал, куда его ноги несут. И вдруг конь встречает какого-то старого чалого жеребца, который побрякивает своими копытами, хрюкая от собственного негодования и размахивая своим телом влево-вправо, неспешной такой шаткой походкой направлялся в сторону жеребца. Остановившийся жеребец вопросительно уставился на Неведомоста и задал ему вопрос:

— Это ты тогда так возмутительно поступил со своим младшим братцем!

Неведомост отходит подальше, желая сохранять дистанцию, косится на старика исподлобья, а потом языком начинает шевелить и говорит:

— Я вас знать не знаю, откуда вы и моё отношение с братом вас должно волновать?

— Я не люблю лгунов. Им не место на этой земле и мне жаль, что у Джерарда выросло такое ничтожество вроде тебя. Ты в сравнении со своим отцом тёмное позорное пятно. Если твой отец пример нравственности и самопожертвования во благо народу, то ты лишь папенькин и маменькин сынок, выводок порочного поколения, чьё единственное желание - это нарастить жир на чьих-то спинах и жить, как паразит на чьей-нибудь шее. Вот сейчас ты живёшь на шее Атамана. - начал говорить дед.

— да Господи, боже упаси, откуда такой старикашка взялся-то на мою голову? От чего вам нужно рассказывать мне то, что я и так сам прекрасно знаю, видимо, в подчёркивание собственных умозаключений?

— И ты даже не соизволил потом признаться в своём грешном поведении.

— А для чего мне это, собственно, полагается? Сейчас и так непростые времена, а вы, бродяга, не принадлежите ни к одному табуна, при этом у вас поворачивается язык мне что-то выговаривать.

— Ох, ты меня совсем не знаешь! Так это мои, и я когда-то владел всеми этими табунами вместе связанными, но сейчас я дал волю уйти себе в успокоение и слежу за порядком. Однако, на данный момент власти у меня больше действительно не будет, официально я уже прогнившая былина. -

Старик поведал, что наблюдал эту сцену и решил проследить за лошадьми. Как оказалось, он отец Джерарда и пока сын не встал на ноги, конь правил, а сейчас этому тридцатипятилетнему жеребцу полагается отдых.

— Выходит, ты мой дед!

— Да. И ты чуть не загубил моего внука. Мне жаль, что ты мой внук. Прощай!

Больше Неведомост с ним не встречался и непонятно было совершенно, с какой целью старикашка стал выговаривать Неведомосту за его проступок. Но конь был рад, что тому не хватило наглости продолжать дальше вести в таком тоне беседу. И вот, он продолжает жить в одиночку, спасаясь от динго, проводя всё своё свободное время в поисках воды и голодая. Без табуна жизнь для лошади тяжела: социальные животные, которые привыкли жить группами на то социальные, что по всей видимости были природой ограничены с самого начала и заложены эволюцией так, чтобы выживать за счёт друг друга.

Как раз началась та кровопролитная война, в то время как Неведомост прятался по кустам и вёл себя как какой-то портативный австралиец, у которого не было идеи. Ночью, в глуши, на коня напала группа местных аборигенов с копьями и какими-то обрядами. Группа австралийцев была одета в поношенную ветошь, с рогами на головах у мужчин и проколотыми до подбородка ушными мочками, в которых был вставлен типа кляпа у женщин. Ни какие другие более опасные и высшие хищники не могли справиться с лошадью, которая будучи сильным семисоткилограммовым животным, способным и убежать быстро, и телом своим придавить, и защиту дать своими зубами с копытами. Человек страшен тем, что имеет ум, который превосходит ум животных. Может и не интеллект, а может дееспособность животных. Просто те в свою очередь уже смирились с мыслью, что и бесполезно что-то в этом мире пытаться создавать, обустривать: голосовых связок для создания языков не имеют, рук со скрупулёзной моторикой тоже в наличии не наблюдается. Так что какой смысл подобно этим, когда-то бегавшим обезьянам, у которых были данные ресурсы и преимущества заранее, пытаться пойти против природы своей? Ну люди напали на Неведомоста, конь попытался дёрнуться в сторону, а они с той стороны подхватили. Он встал на дыбы и начал испуганно назад, на своих двух пятиться, там его и нагрели почему-то не копьём, а каким-то молотком. Видимо, пара австралийцев догадалась, что нужно бить в шею и потому, все начали активно прыгать на коня. В итоге, справились с ним за считанные секунды, он уже лежал весь окровавленный на земле, никакие копыта и укусы ему не помогли, люди бешено набрасывались на него и пытались своим весом, и с оружием его уложить. Они сию секунду бросались на коня и вонзали копья, били его.

«Смерть пришла, смерть пришла, да простит меня бог за мою философию, боже, молю, дай мне силы выбраться. Не даст, ну конечно, не даст! Смерть уже близка смерть, давай!»

Конь в момент их самой центральной атаки на него задрожал от страха. Эти несколько людей поочерёдно вонзали в него копья и непонятно, как он ещё не схватил болевой шок. У коня не было того, что жизнь пронеслась перед глазами - напротив, он не смог ничего понять, всё происходило слишком быстро и всё, на что успевал соображать и обращать внимание конь,

что в тот момент он действительно чувствовал и его мозг какую информацию единственную обрабатывал - это бесконечно быстрая и очень ощутимая боль, которая появлялась в разных местах его тела. Он даже не мог собраться и ничего предпринять, и как жалкое, тупое животное выл от безграничного страдания. На помощь к нему прибежал кто-то, кого совершенно не знал Неведомост, и этот конь сию минуту направил на людей каких-то змей. Они, будучи раздражёнными от щипающих зубов, совсем обалдевшие начали кусать всех подряд, будучи выброшенными из корзины лошади, стали хаотично и очень быстро-необдуманно кусаться. И эти укусы ненароком попадали по людям. Они бросили внимание не на змей, которые уже почти всех перекусали, а на лошадь, что скрылась за деревьями и исподлобья глядела на людей, выставляя свои ожидающие очи. Они решились броситься на лошадь, как вдруг все резко остановились от удушья. Горло опухло и воспалилось, люди начали пускать слюну и их сильно стало потрясывать от действия яда. Через несколько секунд синие опухшие тела упали на землю и больше не смогли хоть как-либо навредить лошадям. Жалко людишек: хотели кормить они своих детей, да уж пришлось целым племенем пожертвовать ради одной лошадиной души. И что не сделает одна лошадь ради спасения другой - по-братски это, но не по-людски.

— Ты как, как ты? - вдруг спросила вышедшая лошадь.

Неведомост с открытым ртом и вытупленными глазами не отвечал, а просто бегал взглядом туда-сюда, с ужасом отходя от случившегося и ещё как бы отвлечённо бредя что-то себе под нос.

— Ладно, я вижу, дело не очень. Не двигайся и не вздумай уходить, сейчас я позову помощь. - сказав это, лошадь скрылась в поле видимости Неведомоста, а он, будучи испугавшийся, даже не совсем понял, была ли это лошадь или опять что-то страшное. Его мозг как будто отключился, и он вообще перестал понимать, что происходит вокруг него и боялся всех. В этом состоянии конь пролежал ещё несколько минут, когда по лесной тропе в ряд вышли бодрые десять лошадей. Они с желанием помочь прибыли сюда и начали проводить осмотр. Пока одни лошади останавливали кровотечение, другие перебили оставшихся живых змей, чтобы те не навредили, а третьи носили воду, коряги, чтобы сделать жгут. Так конь и провалился некоторое время, пока не пришёл в себя и не сказал первое слово:

— Мои спасители - неужто мне не суждено умереть сегодня!

— Брось, пустяки, кто не поможет своему брату, тот не с нами. - заявила одна из состоявших лошадей.

— Какой чёрт дёрнул вас кинуть туда змей на этих людишек, а если б эти кожаные решили бы и меня искушать-то я бы точно помер бы. - возмущённо и пугливо сказал Неведомост.

— Не тарыхти, бит, это тактика всегда нами используется в случае каких-либо форс-мажоров. Что, думаешь мы такие безобидные лошадки - да, уж да, но на людей у нас есть свои, так скажем, методы. Змеи-то маленькие, их всех не переловишь копытами их проткнуть сложно: тонкие, узкие, извиваются и одного укуса хватит, чтобы был минус человек. А так, мы таскаем этих змей с собой, и они нам даже не прикипаются, спят себе, едят свою пададь.

И вдруг один из этих лошадей показался Неведомосту предельно знакомым, даже нет - очевидным. Это был как раз тот конь, который сразу пришёл на помощь и позвал с собой остальных. Этот конь был его брат - Ирабина, которому сейчас уже должно быть семь месяцев, и он не виделся со своим братом несколько из них.

— Ирабина! Неужто я брата своего вижу! Как мне стыдно-то ему в глаза смотреть.

— Ладно тебе, гнида, не нужно сейчас сердце насильно своё топить, чтобы вину заглядить. Обиду я на тебя не держу.

— Как же ты - как же ты здесь очутился, братишка, и как с тобой, что с тобой случилось? — занервничал и виновато - спросил Неведомост.

— Да так, всё идёт ровно, но не без неприятностей. Наши родители, они, в общем, сейчас устроили войну. Я не помню, когда ушёл, но с того уже, наверное, прошёл месяц. А потом я

слышу приближающиеся звуки войны и понимаю, что отец мой, так и начал это. Ну а пошёл я, собственно, и по этой причине найти тебя, брат. - не обижено и доброжелательно сказал Ирабина.

— Ирабина очень много сделал для нас! Безмерно благодарны ему, за месяц, что он провёл без табуна! Мы нашли его, покинувшего табун, он всё время рассказывал о тебе и хотел найти тебя. Мы молодняк, который уже не молодняк и живём своей жизнью. Участвуем ли мы в этой войнушке - нет конечно, но Ирабина крут тем, что рассказал нам о разном химическом состоянии и устройстве нашего мира. - сказал один конь из отряда.

— Он в химии-то разбирается у тебя, - добавил другой.

Неведомост ещё больше засмутился и от стыда чуть не заржавел, но всё-таки сделался несколько гордым для себя и потому с честью подошёл к своему братцу, самостоятельно приподнял свою переднюю правую ногу. Лошади так обычно здороваются или принимают друг друга: это своего рода рукопожатие, только у лошадей они приподнимают одну свою правую переднюю, сворачивают её в это такое колечко и коленными суставами чокаются. Ирабина с грустью и насмешкой посмотрел на своего брата, а потом просто недоумённого и вопросительно сказал:

— Брат, ты как на совещание попал, ну ей Богу! Перед тобой нету этих формальных лиц, расслабься и будь более легкодушен. - Ирабина намекал на хорошее крепкое объятие.

После того, как братья разъяснились, рыжий попрощался со своей хорошей командой и пояснил, что сейчас должен находиться рядом со своим братом.

— Идите с нами, коль вам возвращаться в эти табуны! Погибните, - сказал конь из группы.

— Увы, не можем мы допустить, чтобы наши родители погибли в этой войне. Мы будем защищать их, мы будем бороться и не позволим, чтобы тот табун убил нашу семью! — гордо заявил Неведомост, ещё не до конца понимая, о чём все они говорят и что ему действительно нужно. Это было даже понятно по его несколько упрощённой дикции.

Рыжий молчаливо и подтвердительно кивнул головой, и произнёс свою речь:

В тот месяц, пока бывал я с вами - смог увидеть настоящее, смог пожить и рад был, что было то мгновение, которое может и никогда и не повторится теперь уж в моей жизни, и будет возможность вспомнить мне или вам это, если меня уже не будет на свете.

Несколько коней из отряда даже пустили слезу, но постарались сохраняться по-мужски. И итак братья ушли.

В этот раз им пришлось пойти обратно к своей семье. Дорога предстояла не близкая: им нужно пройти было в сторону востока 32 мили, чтобы затем смочь увидеть прибежище начавшегося их территориального пространства. Неведомост был настроен решительно, и вот, когда братья пришли казалось в свой табун и сейчас всё должно пойти именно так, как подумали все, то есть два молодых здоровых и сильных жеребца, без запинаний и лишнего прагматизма должны сунуться в битышь, неожиданно для себя, немного посоветовавшись, они приняли здравое и необычное решение. А именно молодые жеребцы отказались участвовать в бессмысленной войне с теми, кто собственно и не является потенциальным врагом. Безусловно, они конкуренты, а кто в нашей жизни не конкуренты? Вот лошади поняли, что если тратить на каждую сволочь столько ресурсов и времени, то перед реальным врагом уже не останется ничего, чтобы противостоять ему. Умный воин всегда обойдёт ту войну, в которой нету победителя.

Вот жеребцы и дошли наконец до матушки и отца, чтобы сказать им всё, как они думают.

— Вы сейчас будете убивать своих стрелковых тем, что захотите видеть их участие в бессмыслии - сказал Ирабина и не уверено посмотрел на свою мать, как бы вообще с немыслием, избегая отцовского взгляда на себя.

— Сынок, что же вы такое делаете-то, никогда не угадаешь, какой враг действительно страшен. Предосторожности только и всего, - возразила мать.

— Ну нет, я конечно был часто забыт жизнью, но вот так, чтобы мне попались такие сыновья, которые из трусости своей готовы на всё, лишь бы не вступиться. А каково вам осознавать, что мы можем погибнуть всей оравой, встав на путь, и теперь по нему шагая до конца! Дороги назад не будет: они нас убьют, если не убьём их.

«— Отец, я уверен, если ты отменишь это, они не станут больше сражаться», - сказал Неведомост.

— Они не станут, а потом нас врасплох застанут и убьют или решат, что мы проиграли и сдались, поэтому точно нас убьют. Что вы, если не разбираетесь ни в политике, ни в устройстве сущности дела, ни в регулировании партии, ни в самой жизни, то дорожка вам отсюда за границей видимости, - ответил Джерард, вскипая от злости.

— Нет, мы просим, отец, не стоит.

— Пожалуйста, отец, это очень важно для нас, ведь мы переживаем из-за тебя.

— Оставьте свои сопли! Да лучше бы вы меня ненавидели и камнями до смерти так закидали! Лучше бы я снился для вас чёртом во сне, и вы бы меня ненавидели, в жизни потеряли бы меня и с грязью бы смешали, и смерти моей захотели... Всё лучше, чем ваша безучастность, - выкрикивал разъярённый конь.

— Позволь, папаша, сказать тебе, что не знаем мы, даже если бы вы воевали, как тут все устроено и как нам выживать на этой войне.

— Так вешни тёмные пропадали, а мы трудились, распланировали тут все. Я поражён на вашу независимость. Было бы уместно, если вы бы применили её к делу. - намекая на ответ сказал Джерард.

Неведомост спросил отца, по какой причине он стал воевать, узнав о том, что конь возможно находится в этом табуне.

— Я никогда бы не стал воевать против сына, но ждать мы больше не могли, и ты должен был включить свою голову, перестать надеяться на: "мол, пронесёт", и как настоящий мужчина покинуть опасную зону. Как ты мог породниться с ними, сын! Но это уж не важно. Не хотите - не участвуйте и толку с вас всё равно не сыщи, - ответил конь.

Глава 5

Тогда казалось было решено, что лошади уж должны были придумать что-то более оригинальное и точное, то есть они должны иметь чёткий видимый план своих боевых действий. Никто из табуна не знал до конца причину, по которой произошла рознь, все склонялись к распределению между конкурентами ресурсов, которых было критически мало. Оснований было несколько - и в связи с ухудшением плодородности почв, и по причине засухи, и по сплочению разных групп этого населения, которые занимаются обустройством собственных домов. В результате, чтобы не подставить свой народ и своё передовое начало, жеребец Джерард научился понимать: когда угроза стоит боевой подготовки, а когда без неё можно обойтись. Но всё идёт своим чередом, лошади сражаются. И события начинают принимать крутой поворот. Когда солнечная фривольность окунула в свои лучи всё видимое окружение, озолотив и ослепив всё до горизонта, лошади приняли колоссальный удар по своей батарее. Табуны чуть не переубивали друг друга, хитрая тактика "выжженной земли" пришла в голову коню, который боялся потерять сильных бойцов. В эти беспокойные времена табун не должен терять силы. Немного об исторической хитрости: Валахия — одно из трех княжеств, образующих современную Румынию. Эта буферная зона между Османской империей и Венгерским королевством. Валахия постоянно платила своим соседям. Влад Цепеш отказывается выплачивать и обозлённый Мехмед собрал внушительную смертельную армию против него. Тот ничего не оставил своему врагу и ушёл вглубь страны. Подданные Цепеша не только уничтожали все деревни, прячась вместе со скотом в горах, но и отравляли воду в колодцах. Изнеможенные войска Мехмеда подошли к Тырговиште, столице Валахии. Посаженные на кол их встретили, когда они захотели взять город. Мехмед, увидев турецких пленных, не решился ничего предпринимать: он разбил лагерь. Враг, зная язык и обычаи, проник в лагерь. Несмотря на попытки захвата, ему не удалось победить армию Мехмеда, но нанести урон османской армии получилось. Только поменям Мехмеда на табун "Лоуриантов за резерватом в штат уэльс" и Цепеда на "Восточный табун за заповедной зоной". Также все события происходят в Австралии, дикая долина в центральной части. Лоурианты объединились с соседними табунами в попытках общей силой выжить территорию, где ещё солнца лучи попадали на зелень. Джерард в начале стал сдавать позиции, ушёл вглубь и начал узнавать врагов, выславших шпионов из табуна. На зубы гиеновых насадили убитых лошадей. Враги растерялись и восточный табун нападал каждую ночь, унося несколько жизней сильнееших. Следили за перешейками врагов и предугадывали, где будет разбит их лагерь и там вешали трупы уже из их табуна, которые превращали в трупы ночью. Лоурианты нашли и поймали наших, но они уже были сильнее даже числом и потому врагам пришлось признать поражение. Такое торжество в округе вспыхнуло - праздновали десять дней и ночей событие и Джерард гордо давал интервью животным о своём плане, много принимал из соседней равнины кочевников. Какие только балы и вечера не заводили, и всё с лилией джимеа, каллистемоном и эвкалиптом. Дарили кобылам благоволения и разнотравья, они имели такой одухотворённый и душистый аромат, что тёлочки в пляс и мужичкам давали отдых, от счастья они сами с собой на веселье. С недель двух прошло, уж только всё уgomонилось. Жизнь приняла формальный и настороженный быт - быт животного жертвы. Быт, в котором ты боишься, прислушиваешься и ждёшь вот от какого-нибудь куста то подвоха. Степенно сходят дни в вечера, сменяется обед на романтический ужин и как это бывает проходят белые полосы жизни. Птицы звонят друг другу по воздуху и впадают в пляс. Журчат ручьи, теплом веет ото всюду. Мерцает всюду жизнь. Слышен выстрел. В разгар тихого часа - расслабления для достойных вожаков. Ужас, сразу в панику рвутся. - Не стоит, слушать всем! Отряд вожатых: отвести кобыл в зону ЛРОЗ, лакейсы! Вам отцепить территорию слюн-

ными железами, следует счесть, где по отношению к нам происходят стрелки. Быстро, в дело! - говорил своим басом Джерард. Кобыла Орсунах испугалась за сбежавшего сына, который благополучно миновал все обороты прошедших дней. Но пока лакейсы обегали земли, к отцу мест примчались двое запыхавшихся брата, что с голодухи сразу бросились на траву. Пока они переводили дух, мать в суматохе мелькала вокруг них. И тут взхлёб понеслись с обеих сторон от жеребцов вести: - Нам-нам виделось страшное! - начал перепуганный Неведомост, как его затормозил Ирабина, какой до своей неузнаваемости быстро нервно кричал:

- Они! Они - люди, злые ненавидящие, жестокие! Они, в общем...посеклись, папаша на земли наши! Беде быть! - на это все лошади в надежде и страхе взглянули на вожака, который в эту минуту должен был отдать чёткий ровный приказ с уже продуманной наперёд ситуацией, но вместо того, конь посмотрел внимательно на свою жену Орсунах и, признаться честно, со слов потом кобылы: "Я всегда знала и видела его героем, бесстрашным, каменным, умным. Но сейчас я видела в его глазах, кажется, глубоко спрятанную усталость. А ещё, ещё, кажется страх". - Джерарда застала эта новость врасплох, но, чтобы не потерять своё уверенное лицо, он сказал табуну, что всё обдумает позже. Эти двое жалких для него сыновей никуда не годились. Он больше всего испытывал дикое раздражение к ним, и чем дальше эта совокупность обстоятельств принимала недоброкачественные обороты, тем больше конь боялся, тем он начинал более сильно катастрофизировать и это его состояние он срывал на потомство. К вечеру конь до того обезумел, что подозвал к себе Неведомоста, чтобы тот собрал батарею из воинов, как его сын, совершенно растерявшись, не вспомнил о главных правилах сборки (лошади в строе должны быть разного ранга), на что Джерард прописал ему копытом по морде и выбил правый боковой зуб. Жеребец в страхе отшарахнулся от отца и пугано заговорил быстро:

- За что, отец, за что ты нас так ненавидишь! Кто тебе что-нибудь сказал плохое? Всю жизнь ты конфузился при важных персонах нами! Всю жизнь ты держал нас в узде, как плохих мальчиков, ты крепишь философию, а-ля "Зачем они мне, когда я владею лучшими землями, солдатами и кобылами. А-ля мухоморы, бестолочи, неблагодарные" - с упрёком возразил Неведомост. - Неблагодарные...вы такие и есть, какие из вас защитники, какие из вас солдаты, что за родину жизнь погубят. Какие из вас мужчины! Вы никогда не будете как я, и только тявкаете из-за угла о жизни, мол, тяжёлой! А сами, что вы есть? Я вожак, правитель Восточной долины, а вы, вы...сыновья правителя восточной долины. Тьфу, как нехорошо! - Да, ты прав, папа, конечно - прав. Но мы всё ещё твоя семья нравится тебе это или нет. Или тебе так нравится ненавидеть, плевать на нас будешь после рассвета событий, а не наступающей гряде испытаний! - ответил Неведомост. Такая ненависть к сыновьям у Джерарда не являлась ненавистью: это усталость от бесконечных правил, расписания, ссор, интриг, ответственности, усталость от того, что любая в жизни ситуация - совесть и долг её исполнить, разрешить. Он был стар и годен лишь для пенсии. Его нервная система не справлялась с потоками тьмы. А сыновей своих он-то любил, но проявить мог свою эту любовь лишь через ненависть, мол мужчины должны закалёнными расти и знать лишь боль и страх. Ночью табун собрался на северной части долины и Джерард без лишних слов и объяснений выдаёт речь:

- Сегодня, тринадцатого августа я по части решаюсь отклониться от своих обязанностей по законодательству наших земель отслужив три четверти своей жизни. В дело войдут новые лица нашего табуна, поприветствуйте – Ирабина и Неведомост. С этого дня я отхожу от дел, но остаюсь здесь, рядом с вами, как наставник. Если понадобится мой совет — я рядом. - с этими словами, равнодушно и безжизненно закончил конь, вышел из центра и направился куда-то в пустоту. На мордах всех лошадей было недоумение, коли от чего так вышло.

- Почему...почему отец спятил так? Он же с детства ненавидел мысль о том, что Ирабина станет править! – возразил Неведомост.

- Я так ничего и не понял...я же –

- Можешь не продолжать, я сам прекрасно знаю, каков ты... ты же ещё не вырос, что отец собирается делать? Через день братья уже готовы были отправиться решать отцовские вопросы, а кобылы тяжело переживали уход коня в заслуженный отдых на гряде с событиями. Даже Холланда, привлекательная кобыла в расстройстве и обе кобылы со слезами на глазах проваживали своих солдат в опасный путь. Подошёл последний вечер сборов. Жеребцы с миром и надеждой отправляли братьев, никто, кроме этой, спортивной такой молодёжи, с внутренними неразрешёнными психологическими конфликтами, никто другой не сможет противостоять человеческому безумию. Ночью двадцать третьего августа кобыла Холланда борется с невыносимой губительной болезнью – она заболела горячкой на стрессе и уже три недели, пока происходят резкие изменения в табунной жизни, сносит плохое состояние здоровья. Неведомост жалел брата по отцу, его мать не справлялась со стрессом.

- Сыночек мой, Квагга... - закашлявшись начала разговор кобыла.

- Лежи, матушка, я пока же принесу тебе кушанье: отруби, травянистые растеньица, побеги дикой свёклы, всё, чтоб ты жила! – успокаивающе, но расстроено говорил сын.

- Нет-нет, говорю, что осталось мне мало. Поди, взбодри отца, пусть возьмёт безумие обратно в свой вентиль.

- Мать, я сказал, ты поправишься, не будет у отца возможности ничего изменить.

- Довольно! Почём тебе знать? У него хватило сил устроить революцию и на пол пути сдаться, оставив ни в чём неповинных детей утрясать сделанное. – вскричала Холланда.

- Я не подставляю отца, я хочу, чтобы ты была в безопасности. Никогда ещё сильно я так этого не желал. Моя жизнь основана на улучшении твоей жизни. – с досадой и потерей уверенности сказал гнедой жеребчик.

Но, вдруг, конь обратился взглядом на её тело. Тело матери как-то резко задрожало, оно начало дрыгаться и подпрыгивать. У кобылы резко выпала и вытянулась нижняя челюсть так, что успела напугать его сильно. Глаза кобылы вылупились. В её поглядке он понял, что кобыла хотела ему что-то сказать, но вместо этого она выла.

- Мама! Нет, нет! Отец, скорее! – на крики жеребца прибежал столь равнодушный Джерард и увидав жену в таком пребывании так вскочил, обхватил широкий лоб её, по бокам зажал задними ногами бёдра, чтобы она перестала трястись и начал её в чувства приводить. На шум тотчас явились сыновья с Орсунах, какие-то лакейчики, другие жёны с молодыком и некоторые рабочие.

- Боже, родимая умирает! – вскрикнула Орсунах.

- Как так, господин, от чего! – пристал было соловой лакей к Ирабине. Уже все знали, как хорошо он разбирался в химии.

- Не знаю! Внезапно...

- Давайте её в воду, нужно снять высокую температуру! – продолжали перепуганные кобылки сзади.

- Нет, нужно поскорее её госпитализировать! - не выдержав закричал Неведомост.

- Где госпиталь? Какие портативные петрушки человечьи! Нету у нас ничего, нет-нет-нет! Мы – животные, давайте вспомним это, кто забыл! По неволе чувствую нашу беспомощность перед природой жестокой! – заголосил Джерард.

- Да нет же, нет! Она умрёт от взрыва, вся кровь вскипает, чего мы тут стоим все! – закричали лакеи.

- Вот дура, собака её подрала! На какой чёрт Холланда вчера объявила всем кобылам, что у Джерарда деменция началась, и он, мол, уж как два месяца не в здравии! А все поверили и потому не восприняли всерьёз его слова, когда он сказал, что через один месяц твари доберутся досюда! – отрезала сестра племянницы Орсунах.

- Слушать всем! Это бесстыдство, когда кто-то умирает, а вы покоящуюся будете пристыжать за вчерашнюю дурь! – громко сказал Джерард.

- Всем разойтись! Всем-всем-всем! – закричали лошади.

С минуты прошло, тело кобылы остановило движения, ноги только дрожали, из глаз шли слёзы, изо рта неприятный запах.

- Отец, что с ней будет! – испугавшись спросил рыжий. – ничего не ответивший Джерард мёртво и панически смотрел на неё.

- Отец! Что с мамой! – Отец! Да не молчи же, не смей молчать, не смей! – Отец, ответь! – не выдержал гневной и впал в истерику.

Конь задрожал от злобы и безысходности, стиснул зубы, а потом вдруг резко над ней склонился и начал молитвенный ритуал бормотать.

- От чего ты так ужасен! Ты страшен, когда показываешь мне её смерть! – продолжал паниковать Квагга.

Слова Джерарда были такие: Жена. Золотая. Женщина. Родная. Холланда. Сестра. – после окончания слов конь отвернулся и табун услышал пугающие звуки, похожие на вой волков, но они поняли, что это были не волки.

Глава 6

Ужасное молчание окатило долину после инцидента. Где проводить последние почести, когда кругом царит обстановка грядущей войны. На земле бездушной, где непременно скоро будет разлагаться её холодное тело, столь отвращающая была картина табуна, вышедшего в устав по указанию вожака для проведения порядковых индустриальных разговоров и выносов главного решения, которое будет либо одобрено, либо опровергнуто главным лицом. За несколько ближайших лет жизни вожак не проронил ни одной слезы, даже когда была угроза инфляции (травы теряла полезные витаминные соединения из-за меняющихся климатических условий, почему лошади и стали есть больше травы, чтобы пополнить минимальным количеством компонентов сил и роста свой организм, при этом лошади затрачивали в разы больше времени на поиски большего количества, уходили далеко и провоцировали у себя в желудках закупорку внутренних органов и умерло в этот год большинство). Когда был период коммунистической дисциплины между табунами у реки Маррамбиджи, по сторонам которой располагались территории с подходами к воде для лошадей, несколько из главных лиц в паре табунов решили, что «образный» коммунизм их не устраивает и только личные силы, которыми лошади наработали на свои земли, являются показателем главным образом того сырья в территориальном масштабе, который они заслуживают. Возник конфликт, утверждающий возможность существования монополистов и не отвращающий их. Джерард отдал приказание воевать против тех, кто не за братьев и сестёр, кто хочет лишь собственный пятак пригреть и за его команду были почти все. В этом ключе остались победителями лошади восточные. И снова – конь проявлял себя героем, не пытался сдаться. А кто знает: могли и за монополию сказать большинство, ведь это довольно заманчивое предложение. Он не только выступил перед всеми против, но ещё и подтвердил своё намерение конфисковать земли, подверженные под отдельные кланы противников. Также он объявил, что не позволит забирать по табунам и по владениям кобылам своих жеребят, неважно к какой политике они относятся. Пусть цветы жизни, новое поколение будет расти с собственной головой, собственным мироощущением и опираясь только на собственные ценности будет выбирать себе партию. Это зверство и регресс в отношении к детям, от которых ни черта не зависит, и которые будут сломаны первыми перед безрассудством общества. И его, представляете, послушали. Всё-таки большой стресс испытали лошади, но сумели пройти все испытания. Джерард хоть формально не являлся вожаком, он давал указания. Утро, разговор двух братьев после случившегося.

- Я без понятия, как могло вот так закончиться – плохо...но ты, вероятно, страдаешь? – спрашивает Неведомост гнедого.

- Почём мне страдать...только как-то пусто на душе.

- А ты впервые в жизни понимаешь, что потерялся или бывало?

- Я считаю, что всё относительно. Не знаю с чем сравнить. Но знаю слишком хорошо, что этот самый момент продолжение того худшего пережитого события, и что сейчас он, как бы я не жил, будет идти вперёд вместе со мной, позарез меня уничтожая, и, чтобы я не сдох, хоть пытаюсь найти радости в мелочах. – ответил, почти умирая конь.

- Ясен твой говор. Понимаю тебя. То есть не понимаю, отчего понимать, если сам, сплуну, не переживал подобное. Но я понимаю о чём ты говоришь. Или просто твоё состояние слишком очевидное.

- Нет, брат. Это другое. Это страх. Не грусть – а страх. Страх не о смерти матери и не о том, что я её потерял. Страх от того, что был кто-то или что-то в твоей жизни и невольно наполнял её своим присутствием, что-то в неё своё вносил, с тобой делился какими-то сове-

том, опытом, мировоззрением. Страх от того, что этот кто-то, кто так много значил для тебя, являлся отдушиной, другом, являлся отражением квантовых зеркал, собранным в таком виде, что ты видел и думал о его начале, детстве, ставил себя на его место и его на своё место, больше не существует. Ты невольно ощущал, что являешься частью. Частью этого образа и ты привык. Ты привык к голосу, запаху, мимике, и нет – резко одёрнул фразу конь -, это всё не то и не так. Не так глубоко, это что-то совсем иное. Это, когда ты привык не к лицу или виду, а к какой-то ауре вокруг этого кого-то и теперь ты потерял. Потерял это. Потерял то, что являлось частицей твоего опыта, что наполняло твоё и делилось своим мироощущением. Что это ушло и забрало с собой всё, что было в твоей жизни касательно этого каждый день, месяц, год. Эту ауру, этот голос, эту внешность. Смерть забрала личность. Она забрала вкусы: любимый цвет, запах, любимые цветы, музыку, остроумие, харизму, этикет, образование, нравственность, мысли, любовь к семье, к сыну, к отцу. Она оставила тело. Ничто. Никого. Тело, которое уже никогда не будет тем, кто исчез в никуда... и никогда. Никогда не вернётся. – сказал Квагга.

И он был прав, потому, как самые большие эмоции можно испытать, лишь осознав самую большую истину. Не только в плане смерти: вероятно, Господь знает, когда и кого унести с собой. И слово «в никуда» означает в «неизвестность».

- Я ничего не понял, брат, извини. Как же, неужели тебе не жалко мать!

- Жалко. Но в каком именно смысле мне её жалко. Если убрать всё мною сказанное выше, то... что станется? Где моя мать, её нет.

- Выходит, ты говоришь, как тот, кто подробно описал состояние осознание смерти.

- Выходит. Но от того ещё грустнее. – равнодушно сказал собеседник.

- Поймай, но ты говоришь, что главное чувство у тебя - это страх. Страх, а не жалость к матери.

- А что мы подразумеваем под понятие жалость? Почему это понятие все восхваляют и делают высоконравственным, а всё остальное как будто недостаёт до неё. Страх это. Это же страх. Страх от всей моей любви к ней и осознания, что всё кончилось.

Неведомост расстроился, но не подал виду и решил поддержать брата.

- Я думаю, тебе нужно потешиться. Ужель сегодня пойти и по расслабляться на лугу.

Братья пошли коротать день. Джерард захоронил тело кобылы и провёл скромные речи.

Прошло два месяца. Чужеземцы начинают обустраивать себе жилища. На фундаменте из камня древние люди строили дома из веток. Каждый дом внутри разделен на зоны-комнаты, возможно спальную и рабочую — люди, которые жили в этих домах, мололи зерно. Возникновение построек было связано с ухудшением условий. После ледникового периода уровень моря стал повышаться: вода поднималась на метр за 5—10 лет, и люди, которые жили на островах, столкнулись с нехваткой земли. Бывшие охотники и собиратели перешли к более оседлому образу жизни и стали строить жилища.

Лошади готовятся к битве. Джерард даёт указания по распределению зон осмотровых, подготовительных и действующих. Он всё также стоит на своём, что из-за возраста уже не в состоянии табун содержать. Отец ведёт разговор с своими сыновьями, вызвав их на допрос. Днём, часов в шестнадцать уже солнце не так пекло. Было приятное шафранно-жёлтое освещение, в округе всё золотистого света, будто солнце решило свалиться на Землю и приблизилось к ней. Деревья, в основе своём сухие, земля разыгралась в солнечные лучи и засеяла, как золотой слиток. Всё было масло-масленным, одной цветовой гамы. Но несмотря на это, в этом всё была какая-то своя родная Австралийская прелесть, создавался уют и красота, цвета не раздражали друг друга. Так Неведомост начинает заводить разговор о своём отношении к родине.

- Я понимаю, что должен бороться и быть стоек как ты, отец, но позволь мне быть более несовершеннолетним в сравнении с твоей волей. Дай мне жизнь более обыкновенную, без этих войн,

крови. Я это не выдержу. Правда. Ты горел, ты жил этим состоянием, но я – другой совершенно. Не то, что равнодушен. Просто, слишком уж слабый внутри, быстро выгораю.

- И как мне жить, когда на три головы ниже тебя, когда в плечах усох и в теле кровь остывает, как жить, когда сын мой такое позорное бедствие... - с принятием и осознанием говорил Джерард.

- Я знаю отец, что должен сопротивляться и стоять за своих, я трус и убей меня! И ты меня такого стыдишься, да я сам себе не мил!

- Знаешь, от чего мне горько, сын! Нет, не от того, что страх внутри. Не от твоей скованности и нерешительности. Болит здесь – конь поднял копыто к груди – потому что ты не готов бороться сам с собой. С своим страхом в голове, улучшать себя, идти вперёд, становиться конём (человеком). Нет – ты всё за мамской юбкой, как телёнок на ней рассчитываешь, на мать свою! В твоём возрасте я свою уж на руках носил, обеспечивал ей безопасность, достаток!

- Но... я буду... буду стараться – отставить! – Перебил его обиженно Джерард. И, посмотрев на сына укоризненно и с разочарованием он сказал: свободен.

Дальше он подошёл ко второму сыну и ожидал услышать похожее пустомельство, однако Ирабина сказал:

- Я готов, терять нечего, жить непонятно для чего, так пускай же и смогу! Только вот, все твои сложные пути и многолетний опыт я не сумею купить. Могу наделать много неверностей и подставить жизни под лезвие ножа.

- Это нет, есть у меня в закладной под канавой склад. Там лежит себе мой издревле запасник. Говорит об военных обязанностях, мои хитрые ходы, удачные перевороты, есть немного сухого образования об устройстве всех политических дел. Так, как шпаргалку использовал в своё время. И от меня мысль повседневная – наберёшь усвоенное мышление. Читай аккуратно, к себе не всё воспринимай, действуй с учётом условий.

- Можно задать тебе вопрос? – спросил было его Ирабина.

- Никаких вопросов. Что за вопросно-ответная форма общения?

- Это не по делу вопрос. Мне знать охота: От чего ты делаешь выбор на нас с Неведомостом? Квагга мощнее и –

- Я бы хотел...но после смерти Холланды у меня закралось ощущение возможности возникновения этой болезни у него. Нет понимания: генетическая эта болячка или вирус...я в незнании...но приступ внезапный, и...когда у тебя постоянно жизнь кочевая, когда все эти рожи вечно жрать хотят, на совесть твою и разум ложатся такие мучительные обязанности, что тут даже спать по-сладкому никогда не удаётся, а болезнь почти сразу характеризует тебя, как умершего.

- А остальные? У тебя помимо нас ещё целых шесть молодых сыновей...

- Ещё два брата Квагги отпадают сразу по тем же причинам...двое – Кхадил и Марель слишком часто болеют, иммунитет слабже вашего...и пара близнецов – они почти что наверняка лучше вас с Неведомостом, поэтому в запасных будут. На случай вашей смерти подстрахуют. Это выгоднее: так и вы будете править, и они, потому что ваша смерть, я думаю, будет скорее, чем война закончится. Пусть хоть на пару дней продлится у табуна возможность быть под крылом вожака.

- И так спокойно тебе от нашей смерти...не горестно совсем...

- Горестно, сперва на свою голову в живых оставил и разрешил растить, потом на свою голову полюбил. А теперь расплачиваюсь за свои глупые решения! – нервно разговаривал отец.

Прошло с неделю. Раннее утро, мокрая говорящая на диво роса питает бездождевую траву. Слишком обыкновенное утро для описания. Джерард сильно кашляет. И этот самый кашель вырывается в нём следующие три часа по 2-3 раза безостановочно на десять минут. За последние события он сильно похудел, под глазами появились страшные ему мешки, грива вся почти с обильной проседью, ноги в шрамах и боли, но видна в это всё эта бесконечная воля

к жизни и несломленность. Конь потерял ещё несколько зубов и было видно, как он болен. О его состоянии в табунах все говорили.

- Вожак этак совсем плохо стал ходить, хромает, кашляет, видно умирать собрался. – Так он себя совсем нисколько в жизни не жалел. – Что делать с жеребятами и матками? – Я сегодня видал, как конь шатается и вот-вот упадёт с ног. Болен он, на издыхании вечном. – проводили обсуждения члены табуна. А что с людьми-то делать будут – никто не знал. Они всё ближе и уже в последние три дня убили троих коней из табуна Джерарда, каких-то ранних свежих прислужников. И сделали мясо на гриле. Ирабина и Неведомост забеспокоились о здоровье папы и начали ухаживать. Он плюётся и прогоняет сыновей.

- Отец, слушай, мы можем помочь. Прими нашу помощь, пожалуйста, – спокойно и искренне попросил рыжий.

- Нет, нет. Лучше бы взялись за родину.

Делать нечего и Ирабина, взяв папин справочник, стал уводить табун с этих земель.

Дорога предстояла нелёгкая. Братья не собирались церемониться с слабостью других лошадей. Когда отец семейства заболел, сразу стало понятно, что ни по каким книжкам и условному понимаю текста, лошади не смогут сделать всё правильно, чётко и быстро. Им действительно не потянутся с опытом, настоящими пульсирующими на теле ранами от живых боёв и той интуитивной волей Джерарда, которая помогла ему в решении всех войн. Это и была глобальная причина их ухода. С самым рассветом, когда солнце встретили взгляды напуганных, беззащитных, верящих кобыл и потомков, Ирабина со скрипом в сердце обнародовал лошадей тем, что предложил им путь из южной зоны JPO3 в восточной части Уэльса за девятьсот миль по западному направлению дальше нового Южного Уэльса в национальный парк Уилландра. Там будет много мелких озёр и ручьёв, источники воды разбросаны. Этот парк охраняемый, расположенный в районе Дальнего Запада Нового Южного Уэльса, на востоке Австралии. Парк имеет пять больших и четырнадцать малых озёр, которые пересохли и сформировались более двух миллионов лет назад, встречаются эвкалиптовые редколесья. Сам парк площадью в 2400 км квадратных имеет песчаные иссушенные земли, встречающиеся кустарники и заросли, а также малое количество еды. По правде говоря, Ирабина вначале полагал, что попадёт туда, но дорога должна была лежать через национальный парк Аберкромби Ривер, по прямой к западной Австралии, через зелёные ровные ландшафты. Они пьют в местности Баллиро и дальше берут чуть восточней. Лошади натываются на заповедник Нагетти Стейт и пьют из мелководного ручья. Пройдя чуть восточней, они попадают в заповедник Кервестон Стейт, где снова пьют из ручья и далее уже через Национальный парк Кервестон они по прямой напиваются у реки Лаклан (в истоке большого водораздельного хребта, устье реки Меррамбиджи) длиной в 1440 км, правый приток. Они перебрались уже в центральную часть Австралийского штата Новый Южный Уэльс. Лошади проходят снова западнее и останавливаются в Willow, где передыхают и пьют из реки Букова. По пути лошади, конечно, пасутся стадом. И в день тратят как минимум по пять непрерывных часов поедания травы. В успехе, стаду нужно преодолевать по 40-60 километров за сутки. Затем, пройдя ещё с несколько десятков миль пьют в ручье Брейкфаст-Крик и через ещё несколько миль, наконец попадают в национальный парк Бендик Меррел. Национальный парк Уилландра находился ещё в несколько тысяч миль дальше и выше, восточнее, потому конь не рассчитывал на такие масштабы и остановился с табуном в Бендике. Этот неизвестный заповедник имел каменистые дороги и населённые деревеньки. Много сочной травы, полноводные реки сделали их переход весьма пригодным для существования. По дороге в это место Ирабина не смог сохранить все жизни. Некоторое количество жеребят не перенесли тяжёлую дорогу. Многих по пути съели. Кто-то умер от болезни. Мука, мука для простого народа беженцами становиться. И какие у всех замученные, исхудавшие тела. Эти истасканные, но уповавшие лошади были молодцы. Миновавшие пробный камень, кони с искренней радостью и удовлетворением обживали новые земли, они ушли так далеко,

чтобы люди, прежде чем до них добраться - умрут от времени, за которое с ними по пути точно должно что-нибудь случиться. К вечеру стадо пресытило свои желудки разнотравьем и затихло с наступлением сумраков. В полночь восстановление сил укутало собой животных. Один только Ирабина как-то тряся и взъерошено озирался по сторонам. Неведомост заметил, что брат нервничает и пришёл, чтобы поинтересоваться его состоянием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.